

**Владимир
БЕШАНОВ**

Брестская крепость

Владимир Бешанов

Брестская крепость

«Яуза»

2010

Бешанов В.

Брестская крепость / В. Бешанов — «Яуза», 2010

Этот подвиг был забыт на долгие двадцать лет – страна узнала о героях Брестской крепости лишь в начале 1960-х. Эта оборона стала символом стойкости и самопожертвования советского солдата. Именно здесь блицкриг дал первый сбой – по планам немецкого командования, на захват Брестской крепости отводились считанные часы, но ее гарнизон продержался более двух недель, а последние защитники продолжали сражаться до поздней осени 1941 года. Теперь эти факты общеизвестны – однако в истории Брестской крепости еще немало спорных моментов и «белых пятен», а вопросов куда больше, чем ответов. Почему немецкое нападение застало ее защитников врасплох? Зачем накануне войны из крепости был выведен практически весь гарнизон? Каковы были соотношение сил и потери сторон? И почему правду о «бессмертном гарнизоне» вычеркнули из народной памяти на два десятилетия? В новой книге популярного историка даны ответы на самые острые и «неудобные» вопросы. Это – первая полная летопись Брестской крепости, освещающая не только события 1941 года, но всю ее полуторавековую историю.

© Бешанов В., 2010

© Яуза, 2010

Содержание

Берестье	5
Форпост империи	16
Конец ознакомительного фрагмента.	64

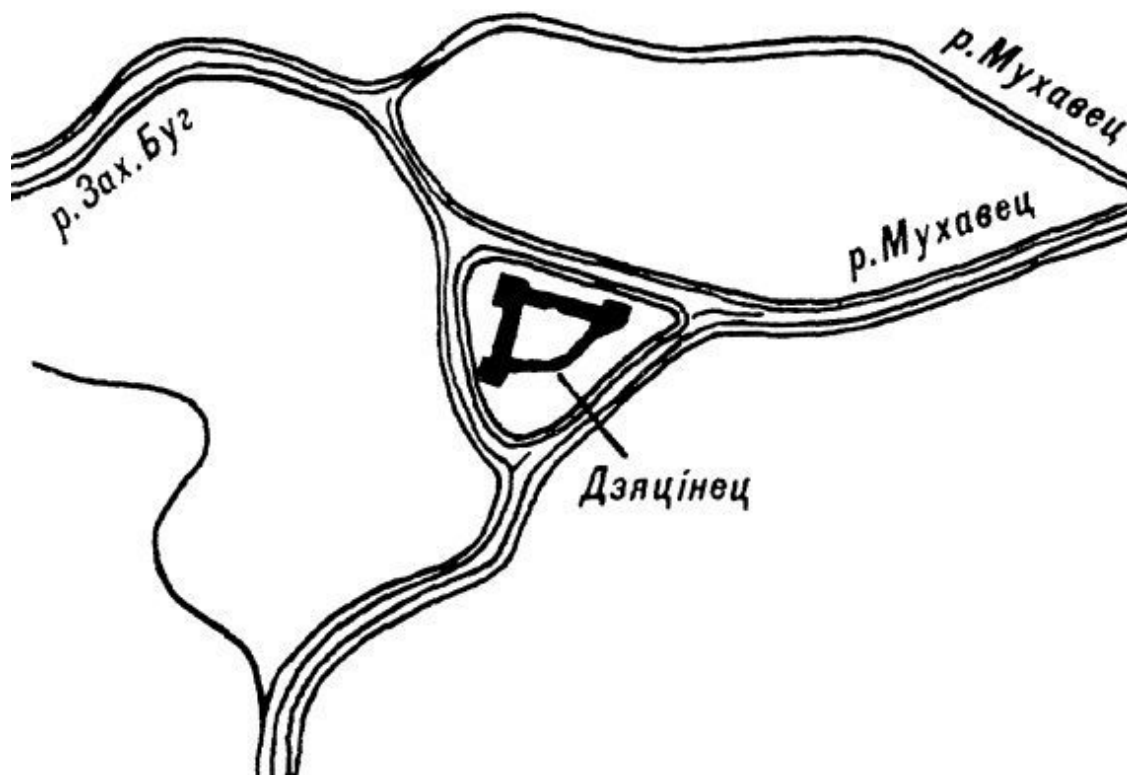
Владимир Васильевич Бешанов

Брестская крепость

Берестье

Брест, один из древнейших городов Беларуси, на протяжении почти всей своей истории был пограничным форпостом. Первые сведения о нем относятся к 1019 г. В «Повести временных лет» отмечается, что Берестье – хорошо укрепленный город, последний пункт перед польской землей. Городище размещалось на мысе, образованном Западным Бугом и левым рукавом реки Мухавец. Оно состояло из детинца треугольной в плане формы, укрепленного рвом, земляным валом и частоколом, и окольного города, находившегося на острове против детинца. Это место было выбрано не случайно. Реки в то время служили основными коммуникациями, по которым купцы перевозили свои товары, осуществлялись административные и деловые связи между княжествами Древней Руси, перебрасывались войска.

Выгодное расположение города на древних торговых путях, связанных с реками, текущими в разных направлениях, способствовало его быстрому росту. Берестье стало важным торговым центром древнерусского государства. Находясь на стыке русских, польских и литовских земель, город-крепость имел большое военно-стратегическое значение, что не раз становилось причиной споров между феодальными князьями за владение им.

Берестейское городище. Схема размещения детинца.

В XI–XII вв. Берестье поочередно переходило от туровских князей к киевскому князю Ярославу Мудрому (1031), Волынскому (1077), Туровско-Пинскому (1097) княжествам, великому киевскому князю Владимиру Мономаху (1117), с 1142 г. им владели галицкие князья.

Не раз пытались присоединить город к своим владениям литовские и польские властители. В 1164 г. Берестье захватил литовский князь Скирмунт и владел им до 1182 г., а затем город и окрестные земли перешли к польскому королю Казимиру Справедливому. Он возвел деревянную крепость, окруженную земляным валом. В первой четверти XIII в. Берестье отошло Даниилу Галицкому.

Город часто подвергался вражеским нашествиям, горел и опустошался. В 1241 г. под стенами Берестья произошла кровопролитная битва с монголо-татарами. Павших в сражении было так много, что запах разлагающихся тел не позволял приблизиться к городу. Летописец сообщает: «Данилови же со братом пришедшу к Берестью, и не возмогоста ити в поле, смрада ради множества избьеных». Земли Волыни и Галиции попали в сферу монгольского влияния, Даниил был вынужден признать зависимость от Золотой Орды и получил от хана Батые ярык на княжение.

При волынском князе Владимире Васильковиче (в 1276–1288 гг.) в детинце Берестья была построена оборонительная каменная башня-донжон. Она была прямоугольной формы (6 – 6,3 м), толщина стен достигала 1,3 м, высота – 20 м. «Столп» был сложен из брускового кирпича с продольными бороздами на поверхности, который клали на известковый раствор. Башня стала центром обороны и командным пунктом города, а также символом, изображенным на первом гербе Берестья. Правда, у современных исследователей есть основания полагать, что берестейский донжон был копией известной Каменецкой башни, круглой в плане. В

городе развивались ремесло и торговля, здесь останавливались многочисленные купеческие караваны. Для их защиты от нападений и грабежей была создана особая стража.

К началу XIV в. Русь, раздираемая междоусобицей, раскололась на отдельные княжества, беспрерывно воюющие друг с другом. В 1319 г. князь Гедимин присоединил Берестейскую землю к Великому княжеству Литовскому, однако вскоре отдал ее во владение волыньскому князю Андрею Юрьевичу.

На месте старого детинца на искусственной насыпи был возведен замок. Он занимал площадь более 2 га, был окружен рвом и укреплен земляным валом, на котором стояли крепостные стены-городни – прямоугольные в плане бревенчатые срубы, заполненные землей и камнем, и пять башен. Четыре башни были деревянными с 2–3 оборонительными ярусами, пятой была включенная в общую оборонительную систему Берестейская башня. Две башни имели ворота с подъемными мостами. По периметру стен проходила крытая боевая галерея.

Берестейский замок неоднократно подвергался осадам и разрушению. В 1334 г. город и замок захватили рыцари Тевтонского ордена, которые только через два года были выбиты оттуда князем Кейстутом Гедиминовичем. С 1341 г. Берестье считалось литовским городом. В 1349 г. его захватил польский король Казимир Великий, который после длительной польско-литовской войны вернул Берестейскую землю Литве по договору 1366 г.

В августе 1379 г. город вновь подвергся нападению тевтонских рыцарей под водительством комтура Теодориха Эльнера. Крестоносцы разграбили и сожгли Берестье, но крепость защитникам удалось отстоять. Тремя годами позже город безуспешно осаждали войска князя Януша Мазовецкого. Берестье в то время считалось богатым городом, и немало имелось желающих им править или, по крайней мере, пограбить. Здесь был построен большой постоялый двор, все большую известность приобретали берестейские ярмарки. Город, в котором проживали 2000 человек, разрастался и перекинулся на правый берег Мухавца.

Зимой 1390 г. после десятидневной осады замок пал под натиском армии короля Ягайло, повздорившего со своим двоюродным братом великим князем Витовтом. В том же году польский король предоставил Берестью самоуправление на принципах магдебургского права, а вскоре вернул его прежнему «хозяину». В XV в. Берестье стало важным торговым и ремесленным, политическим и культурным центром польско-литовского государства. В декабре 1409 г. во время Великой войны с крестоносцами в Берестейском замке проходило тайное совещание польского короля Владислава Ягайло и великого князя литовского Витовта с сыном Тохтамыша ханом Джелаладдином. Обсуждался план похода против Тевтонского ордена. Результатом его реализации стала Грюнвальдская битва, в которой наряду с польскими, русскими, литовскими полками приняла участие и берестейская хоругвь. В честь одержанной победы Витовт в 1411 г. основал в городе монастырь августинцев и костел Святой Троицы. Через два года в результате административной реформы город стал центром Берестейского староства в составе Троцкого воеводства, а к 1440 г. – одним из главных городов Великого княжества Литовского, местом проведения съездов и сеймов. Польский хронист Ян Длугош называл Берестье «пристанью и воротами в литовские и русские земли». В конце столетия здесь было 5 тысяч жителей и 928 застроенных участков. Местные купцы активно участвовали в международной торговле, контролировали финансовые потоки, город прославился великими Берестейскими ярмарками, а княжество измеряло длину берестейским аршином.

В 1500 г. крепость выдержала осаду 15-тысячной орды крымского хана Менгли-Гирея. Однако посад был полностью разграблен и сожжен дотла. На восстановление его из руин ушли следующие десять лет. В 1525 г. в результате пожара «на корень выгорел» Берестейский замок, погибли все оружие и припасы.

К середине XVI в. Берестье вновь стало крупным торгово-ремесленным центром. В 1563 г. берестейский староста Николай Радзивилл Черный основал здесь первую на территории современной Беларуси типографию, а три года спустя город стал центром Берестейского

воеводства. К тому времени он состоял из трех частей: замка, города, или «места», на острове, окруженного водами Буга и Мухавца, а также Замухавечья, расположенного на правом берегу рукава реки. Центральная часть «места» была укреплена оборонительной стеной, периферийная – валом.

Заново отстроенный замок представлял собой достаточно мощное фортификационное сооружение с валом и пятью башнями. В старой бреме висел ратный колокол – «звон великий». Основу оборонительной линии составляли объемные двухъярусные стены, внутри которых находились жилые и служебные помещения, предназначенные для «схованья» населения и хранения запасов. На верхний ярус стен, где проходила боевая галерея, вели лестницы. Под башнями, как водится, имелись камеры для содержания заключенных – «вязней». На внутренней территории располагались цейхгауз, королевские конюшни и жилые дома европейского типа с каминами, залами для приемов и застекленными окнами. Некоторые здания были связаны с башнями крытыми переходами. В арсенале находились металлические доспехи на 100 человек, 12 пушек, большая мортира, 96 гаковниц и 7 железных «ручниц», 360 ядер, формы для их отливки, холодное оружие, болты для арбалетов, пороховая мельница. Под землей к реке были проложены потайные деревянные трубы, по которым с помощью специальных помп в крепость во время осады могла подаваться вода. От водяной мельницы могла работать и механическая «ступа на толчение пороку», и сукновальня. За оружием и замковыми сооружениями присматривали слуги и ремесленники: пушкарь, плотник, бондарь, кузнец, слесарь, каменщик, печник, столяр, а также пивовары, мельники и другие. Их называли «людьми замка», и они были освобождены от подати в городскую казну. Водонасосное устройство обслуживалось отдельным специалистом – «рурмистром». От Замухавечья замок отделял водяной ров, соединявший Мухавец с Бугом.

Городской герб на печати 1592–1651 гг.

В мирное время «штатный гарнизон» состоял из 12 сторожей и 12 наблюдателей-«кликунов». Защита города и замка возлагалась на мещан и жителей волости. В случае необходимости присылали дополнительный воинский контингент. Так, во время Ливонской войны в июле 1566 г. здесь находился кавалерийский отряд в составе 600 человек. Горожане, входившие в цеховые военные объединения, согласно уставам своих цехов обязаны были иметь «супольную

армату...бубен и хоругву... для обороны места». Каждый полк со своим оружием непременно принимал участие в военных смотрах.

В 1569 г. после подписания Люблинской унии город вошел в состав Речи Посполитой, объединившей Польшу и Великое княжество Литовское, и был переименован в Брест-Литовск. В октябре 1596 г. в Бресте состоялся собор, утвердивший объединение (унию) католической и православной церквей под эгидой Ватикана. Это было время расцвета польско-литовского государства. За сто лет мирной жизни население города увеличилось вдвое и к середине XVII в. превышало 10 тысяч человек. Затем времена изменились.

Осенью 1648 г. Брест-Литовск разграбили и сровняли с полем посланные Богданом Хмельницким в «белорусский» рейд украинские казаки. По словам московского посла Егора Кунакова, в Бресте «поляков и жидов, жен их и детей побили без счета, и хоромы и стены каменные разломали и раскидали». Остальное уничтожили «освободившие» город королевские наемные рейтары.

Брест вновь поднимался из пепла и вновь оказывался на пути завоевателей.

В 1654 г. варшавский сейм принял специальную декларацию о срочном восстановлении брестских укреплений. Деревянные стены замка планировалось заменить пятью оборонительными сооружениями бастионного типа. Горожане были освобождены от общественных налогов, деньги шли с Брестской королевской экономии. Отсюда же набирали людей для фортификационных работ. К строительству привлекались все жители без исключения, включая духовенство. Руководил работами присланный королем инженер, однако дело двигалось медленно и так и не было доведено до конца ввиду последовавшей череды нашествий, которые в польской истории получили название «Потоп».

В ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. и развязанной Швецией войны против Речи Посполитой и России Брест-Литовск неоднократно оказывался в полосе военных действий. Спор славян между собою отличался особой жестокостью. Москвитами война велась в первую очередь за территории и материальные ценности, население уничтожалось практически поголовно. Указ тишайшего «московского царя православного» Алексея Михайловича прямо требовал: «Унии не быть, латинству не быть, жидам не быть». Почти полностью были вырезаны жители Витебска, Слонима, Мира, Вильно, Пинска и других городов. Виленский епископ Юрий Тышкевич позднее писал: «Не было пощады ни возрасту, ни полу; все места были залиты кровью убитых и трупами, особенно Бернардинский костел, куда в поисках убежища собралось особенно много людей».

Осенью 1655 г. Новгородской полк русской армии под командованием князей С.А. Урусова и Ю.Н. Барятинского, имевших царскую инструкцию польские города «воевать и разорять», а со шведами «отнюдь не задиратца», совершил поход от Ковно на Брест, но был остановлен войском гетмана П.Я. Сапеги в 25 верстах от города. В сражении у деревни Верховичи поляки 17 ноября потерпели поражение, однако штурмовать укрепленный город, в котором находился сильный гарнизон, русские воеводы не решились. В следующем году под стенами Бреста впервые появились шведы, но и они отступили.

В мае 1657 г. Брест-Литовск не выдержал осады объединенной армии шведского короля Карла X Густава, Семиградского князя Ракоши и украинских казаков и был ими захвачен. По одной из версий, это стало возможным из-за измены наемной немецкой пехоты, перешедшей на службу шведскому королю, по другой – противник овладел городом «через трактат», т. е. заставив гарнизон сдаться на определенных условиях. Город был разграблен и большей частью сгорел. Король шведский по достоинству оценил стратегическое положение Бреста и даже планировал основать здесь укрепленный лагерь. Но в это время против Швеции выступила Дания, в связи с чем Карл X срочно покинул Брест. Тогда Павел Сапега приказал Михаилу Радзивиллу, подчашему Великого княжества Литовского, собрать отряд добровольцев и произвести диверсию с целью захвата Брестской фортеции, в которой находился вражеский гарнизон

численностью до 600 человек. Операцию готовили в обстановке секретности. Сапега приказал все тщательно разведать и, выбрав нужное время, «учинить эксперимент: спешив людей, подобраться, как можно тише... чтобы никто и пера не уронил», а затем атаковать укрепления, захватив противника врасплох. Рейд прошел удачно. 20 августа гетман личным письмом поблагодарил Радзивилла и его отряд, состоявший из обывателей Брестского воеводства, как от своей «персоны, так и от всей Речи Посполитой за совершенный труд... при отобрании Бреста, за что все Отечество должно отплатить благодарностью».

В опустошенном и разграбленном Брест-Литовске начали восстановление укреплений. Для завершения строительства сейм Речи Посполитой выделил в 1658 г. 10 миллионов злотых и планировал поставить необходимое для обороны количество пороха, ядер и оружия. Гетман Великого княжества Литовского получил наказ содержать здесь столько пехоты, сколько будет нужно. Реальные обстоятельства делали подобные декларации лишь благими пожеланиями. Не случайно в следующем году Варшавский сейм лишь продублировал ранее принятое постановление о брестских укреплениях.

8 января 1660 г. московские войска под командованием воеводы И.А. Хованского по льду подошли к укреплениям города и взяли их внезапным приступом. После этого еще пять суток велась осада замка, завершившаяся успешным ночным штурмом и гибелью защитников. Хованский стоял в Бресте до весны, посылая оттуда ратных людей в глубь Польши. В занятом городе воеводе пришлось восстанавливать укрепления для защиты собственных войск. В донесении царю Алексею Михайловичу он сообщал, что «Брест верхний город укрепил я накрепко, сверх старых крепостей по земляному городу нарубил тарасы в 2 стены рублены, а вышиною 2 сажени, а в иных местах и в 2,5, а хлебных запасов года на два будет тем людям, которые оставлены, а соли и пушечных всяких запасов гораздо много, сидеть в верхнем городе бесстрашно от неприятеля, а большого города занять нечем, надобеть посадить тысячи 4, а на меньшую статью 3000, и то будет неприятелю страшно».

Однако в результате Оливского мира между Швецией и Речью Посполитой, высвободившего значительные воинские силы последней, Хованский был вынужден оставить Брест. В 1661 г. в город вновь вошли польско-литовские войска. К этому времени Брест-Литовск был «весь до последнего строения разорен и сожжен», населения осталось «очень малая горсточка», погибли все члены магистрата, сгорели все архивы.

Для восстановления крепости город на четыре года был освобожден от всех налогов. Вновь отстраивались костелы и жилые дома, в 1665–1666 гг. работал даже монетный двор. Но в 1706 г. в разгар Северной войны шведские войска под командой генерала Мейерфельда захватили и разграбили Брест-Литовск, в котором размещались провиантские склады русской армии. Крепость, не выдержав осады, капитулировала. Шведская оккупация продолжалась почти шесть лет.

В результате долгих и разорительных войн, сопровождавшихся голодом и эпидемиями, Брест-Литовск пришел в упадок. Его население к середине XVIII в. составляло 1800 человек, замковые укрепления были разрушены.

Во второй половине XVIII в. Речь Посполитая, истощенная непрерывными нашествиями, переживала тяжелый политический и экономический кризис. Государственные структуры не обладали реальной властью. Другие державы бесцеремонно вмешивались во внутренние дела страны. Шляхетство, забыв о национальных интересах, срывало сеймы и собиралось в конфедерации, магнатов не интересовало ничего, кроме укрепления личной власти. Польско-литовское дворянство, увлеченное борьбой за «вольности», бойкотировавшее любые реформы, разделившееся на враждебные группировки, непринужденно обращавшееся к иностранной помощи, в итоге развалило государство, чем не преминули воспользоваться соседи.

5 августа 1772 г. последовал первый, частичный, раздел Речи Посполитой между Австрией, Пруссией и Россией, а 12 января 1793 г. – второй. Началась интервенция трех дер-

жав. Российская империя ввела оккупационные войска под предлогом освобождения украинских и белорусских земель от польского гнета. Заодно были «освобождены» латышские и литовские земли. В марте 1794 г. польские патриоты, стремившиеся сохранить суверенитет и целостность страны, подняли восстание, которое возглавил герой борьбы за независимость североамериканских колоний бригадный генерал Тадеуш Костюшко, провозглашенный диктатором и главнокомандующим национальными вооруженными силами. Применяя партизанскую тактику, инсургенты, пользовавшиеся поддержкой населения, действовали дерзко, стремительно и инициативно. Русские регулярные отряды их «повсюду били и гоняли, а из того ничего не выходило». Военные действия затягивались.

Для скорейшего решения проблемы императрица Екатерина II отозвала из Финляндии генерал-аншефа А.В. Суворова и в августе назначила его начальником небольшого войска с ближайшей задачей занять Брест-Литовск и устроить там магазины для армии. 6 сентября 1794 г. недалеко от Кобрина произошло сражение между шеститысячным отрядом под предводительством генерала Кароля Сераковского и корпусом А.В. Суворова, насчитывавшим 12 тысяч человек. Повстанцы потерпели поражение, а два дня спустя были настигнуты под Брестом и наголову разбиты. В город вступили русские войска. А.В. Суворов этим успехом, как и ожидалось, не ограничился. Получив подкрепление и объединив под своим командованием около 30 тысяч бойцов, он 24 октября взял штурмом Прагу – предместье Варшавы на правом берегу Вислы, что привело к капитуляции столицы и ликвидации главного очага сопротивления. Попавший в плен «опасный смутьян, бунтовщик и вольнодумец» Костюшко был заключен в Петропавловскую крепость. Король Станислав-Август, кстати, уроженец Брестчины, отрекся от престола. А.В. Суворов за польскую кампанию получил звание фельдмаршала.

В октябре 1795 г. последовал третий раздел Речи Посполитой, в результате которого она исчезла с политической карты мира. Поморье, Центральную Польшу с Варшавой получила Пруссия, Галицкие земли с Львовом и Галичем и Южная Польша с Люблином и Краковом отошли Австрии. К России были присоединены земли Великого княжества Литовского, Левобережная Украина, Волынь, Беларусь.

Брест-Литовск вместе с другими белорусскими городами вошел в состав Российской империи и вновь оказался на границе. За Бугом теперь лежали австрийские земли. Год спустя Брест стал уездным городом Слонимской, затем Литовской и Гродненской губернии.

Инкорпорация белорусско-литовских земель в состав чужого государства происходила болезненно. Например, распущенное войско Великого княжества Литовского (18 тысяч человек) Екатерина II от греха подальше велела сослать в Екатеринославль на вечное поселение. Всего в далекие российские губернии было выслано около 50 тысяч семей. «Освобожденных» от польского гнета крестьян делили имперские рабовладельцы. Только за 1772–1800 гг. в собственность русским помещикам было роздано 208 505 «душ мужеского пола». Недовольство новыми порядками высказывали администрация и жители городов, утратившие самоуправление. Непосильным бременем для белорусских губерний стали налоги, которые собирали не ассигнациями, как на остальной территории империи, а золотыми и серебряными монетами, что было в четыре-пять раз дороже. Вводились рекрутские наборы, которых раньше здесь не знали. Притеснялась униатская церковь, к которой принадлежало до 70 процентов населения. Это ломало привычный уклад жизни, обостряло ситуацию, создавало почву для сопротивления. Польское дворянство мечтало о возрождении Речи Посполитой. Большие надежды возлагались на императора Наполеона. Разгромив Пруссию, из части захваченных ею польских земель он создал в 1807 г. Великое герцогство Варшавское, которое стало верным союзником Франции. Брестские чиновники польского происхождения поставляли сведения французской разведке, шляхетская молодежь переходила границу, чтобы записаться в победоносные наполеоновские войска. Наполеон заигрывал со шляхтой и раздавал обещания «устроить Польшу».

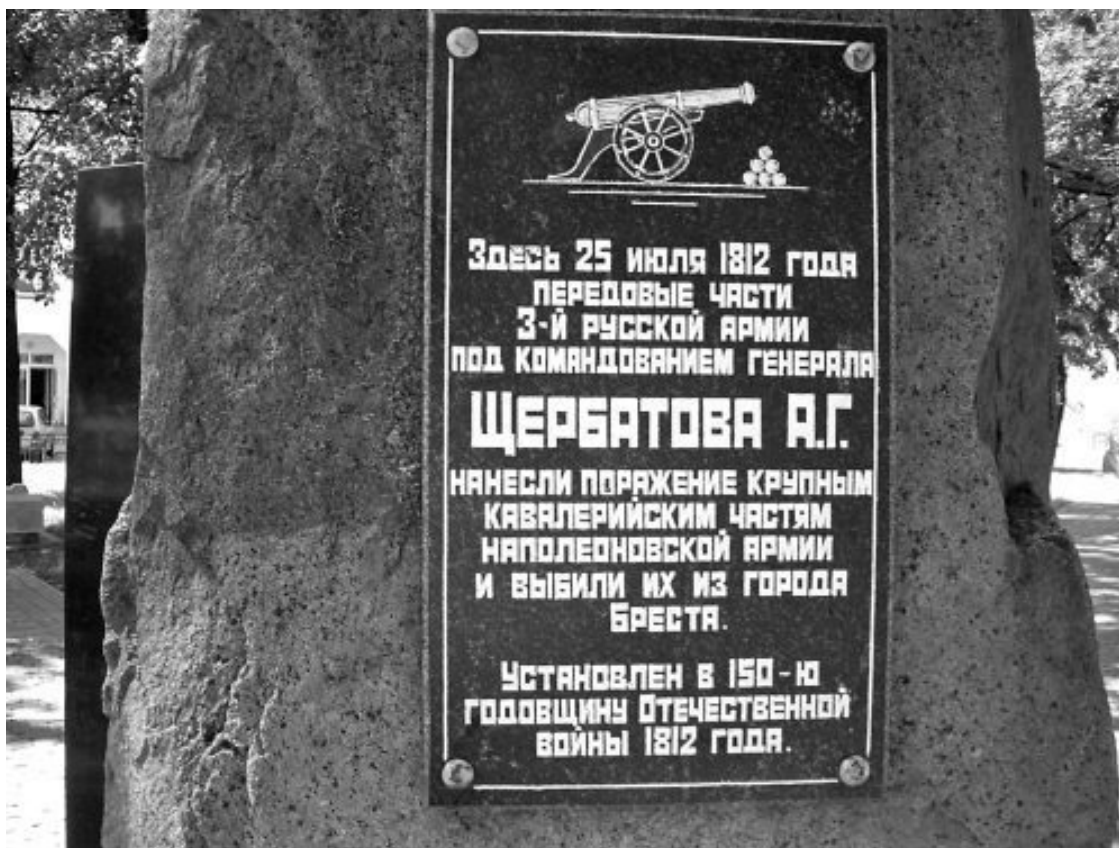
Под эти авансы племянник последнего короля Речи Посполитой Юзеф Понятовский сформировал 100-тысячную польскую армию для участия в походе на Россию.

С началом Отечественной войны 1812 г. Брест-Литовск в очередной раз стал ареной военных действий. 22 июня в город вошел австрийский корпус генерала Шварценберга, однако 3 июля он был выбит передовыми дивизиями 3-й армии генерала А.П. Тормасова. На помощь австрийцам прибыл саксонский корпус генерала Жана Луи Ренье, и русские войска после жестокого сражения под Городечно 31 июля отступили к Луцку. В начале сентября армия А.П. Тормасова соединилась на Волыни с Дунайской армией адмирала П.В. Чичагова. Получив численное преимущество, русские войска перешли в наступление и, оттеснив противника за Западный Буг, 29 сентября заняли Брест-Литовск. Адмирал Чичагов пробыл здесь 15 дней и двинул армию на Слоним. В городе осталась войсковая группа под командованием генерала Ф.В. Остен-Сакена, которая вела активные боевые действия против корпуса Шварценберга. 13 ноября она была разбита и отступила на Волынь. Брест-Литовск вновь оказался в руках французов.

Значительная часть населения западных губерний вначале приветствовала вторжение «Великой армии». Жители края связывали приход французов с революционными идеями свободы и равенства. Крестьяне надеялись на отмену крепостного права, как это было сделано в Польше, дворянство – на восстановление независимости и конституции.

Вступив на территорию Беларуси, Наполеон объявил литовские и белорусские земли «освобожденными от русского гнета». В Вильно император утвердил Временное правительство Великого княжества Литовского, власть которого распространялась на Виленскую, Гродненскую, Минскую и Белостокскую волости, но контролировалась имперским комиссаром Л. Биньеном. Во главе департаментов стояли французские губернаторы и интенданты. В городах вводилась муниципальная система управления. Брестское шляхетство присягнуло на верность французскому императору одним из первых.

В обмен на обещание возродить Великое княжество Литовское Наполеон потребовал призыва в свою армию 100 тысяч человек, огромных поставок фуража и продовольствия. Начались бесконечные реквизиции, которые быстро переросли в обыкновенный грабеж, вынудивший крестьян взяться за косы и топоры. Надежды на освобождение обернулись уничтожением городов и сел, разрушением хозяйства, голодом и смертью. В Гродненской губернии погибли более 37 тысяч мужчин, в том числе 4253 в Брестском повете. Тем не менее после отступления Наполеона из Москвы возвращения русских в Беларусь ожидали со страхом. Чтобы предупредить бегство населения из западных губерний, фельдмаршал М.И. Кутузов 9 ноября издал приказ, в котором говорилось: «Вступая с армией в Беларусь, в тот край, где при нашествии неприятеля некоторые из неблагонамеренных, пользуясь бывшими замешательствами, старались разными лживыми уверениями ввести в заблуждение мирных поселян и отклонить их от священных и присягою запечатленных обязанностей законному их Государю, я нахожу нужным всем армиям, мною предводительствуемым, строжайше воспретить всякий дух мщения и нареkania в чем-либо жителям белорусским, тем паче причинения им обид и притеснений». Месяц спустя последовал царский манифест о «всеобщем прощении».

Памятный знак, посвященный 150-летию Отечественной войны.

25 декабря 1812 г. русские войска, преследовавшие остатки наполеоновской армии, вошли в Брест-Литовск. Последовавшие за этим реквизиции на нужды и содержание царской армии по объемам немногим уступали французским и австро-саксонским. Во время Заграничного похода 1813–1814 гг. город играл роль тыловой базы обеспечения. Здесь формировались кавалерийские резервы для Действующей армии. В штабе резервного корпуса два года отслужил адъютант генерала А.С. Кологривова, начинающий литератор А.С. Грибоедов. К брестскому периоду относятся его первые драматургические опыты: комедии «Молодые супруги», «Своя семья, или Замужняя невеста», а также первые опубликованные в печати статьи и стихи, посвященные любимому начальнику и мудрому Государю, «умеющему избирать и ценить достойных чиновников»:

Есть в Буге остров одинокий,
Его восточный мыс
Горою над рекой навис
Заглох в траве высокой...

(«Письмо из Брест-Литовска»)

На Венском конгрессе 1815 г. был утвержден очередной раздел Польши. Большая часть Варшавского герцогства вошла в состав Российской империи, образовав игрушечное Царство Польское. Александр I, принявший титул польского короля, на первых порах вынужден был учитывать традиции, существовавшие на этих территориях. Он позволил полякам принять конституцию, иметь собственный парламент и монетную систему и сформировать войско численностью 35 тысяч человек, состоявшее из трех пехотных и трех кавалерийских дивизий.

Наместником в Варшаве и главнокомандующим польской армией был назначен великий князь Константин Павлович. Ядро этой армии составили польские легионы наполеоновских войск.

«Поляки приняли эту царскую милость как нечто совершенно должное, – возмущается историограф русской армии А.А. Керсновский, – и похвалялись перед русскими, что вот возвращаются в отчизну с распущенными знаменами и барабанным боем, ничуть не побежденные «москалями»... Командный состав, командный язык – все было польское, уставы русские, но переведенные на польский. Вообще это была иностранная армия, подчиненная русскому главнокомандующему... Однако поляки, сами лишенные чувства великодушия, не способны понимать это чувство в других. Милость эту они истолковали как заигрывание с ними, как признак слабости России, тем более что Император Александр для привлечения сердец своих польских подданных применил уже известный нам по Парижу способ, подчеркнуто пренебрежительно относясь к русским».

На белорусских землях продолжал действовать Статут Великого княжества Литовского. Во второй половине 1817 г. из политических соображений был учрежден Отдельный Литовский корпус, который состоял из двух пехотных, одной уланской дивизий и Литовской гренадерской бригады, укомплектованных уроженцами Западного края. Он также подчинялся брату императора. В состав 27-й пехотной дивизии (с 1820 г. – 24-й) корпуса наряду с другими частями входил «славный» Брестский пехотный полк, который принимал участие в Отечественной войне 1812 г.

Брест за годы войны пришел в полный упадок. Таким увидел его польский историк Юлиус Немцович: «...лет 30 не видел столицы родного воеводства моего, надеялся на захватывающую встречу с ним. О, Боже! Как же я в надежде ошибался: Брест, который в дни моей молодости не горевал, так как был богат и имел промыслы, встал передо мной во всей своей убогости. Не редкие, а периодические и, возможно, умышленные пожары, занятие домов на постой солдатами, препятствие в торговле... сделали этот город нелюдимым и убогим. Все монастыри опустошены военными госпиталями... в бригитском монастыре солдаты разместились вместе с монахинями в одном здании... Замок с 4 бастионами опустошен полностью. Видны только развалины вежи, где сидела осужденная шляхта, три двора да части от водопровода...»

К 1825 г. население Брест-Литовска составляло 11 тысяч человек. Город восстанавливался, предполагалась его перепланировка и «современная застройка». Отчего-то зачастили пожары. Зажиточные евреи скупали землю у погорельцев в надежде сделать барыши на будущем строительстве.

Проект реконструкции охватывал значительную территорию, включая центральные острова в дельте Мухавца и предместья. Намечалась пробивка новых улиц и ликвидация отдельных старых, устройство новых площадей. Центр города сохранялся на прежнем месте – на центральном острове. Старая городская площадь оставалась в своих габаритах. По всему периметру центрального острова предполагалось обустроить набережные. Кроме того, проект предусматривал организацию новых площадей в предместьях с православными храмами на них.

Этим планам не суждено было осуществиться в связи с решением о сооружении на месте города крепости.

Форпост империи

Выбор места для строительства крепости был обусловлен важным военно-стратегическим положением, которое занимал Брест-Литовск на западе Российской империи. Он находился на Днепро-Бугском водном канале и кратчайшей сухопутной дороге из Варшавы в Москву. Политическая обстановка, сложившаяся в последнее десятилетие XVIII в. в Европе, где разгоралась большая война, вынуждала российское правительство разрабатывать планы укрепления и инженерного обеспечения своих новых рубежей.

Решение этой задачи возлагалось на созданную в 1796 г. комиссию под руководством генерал-майора инженерных войск П.К. фон Сухтелена. В том же году для проведения топографической съемки местности в западные губернии был направлен капитан К.И. Опперман, изложивший результаты своей работы в инструкции «Для обозрения новой границы с Пруссией и Австрией» и плане к ней, согласно которому вдоль 200-километровой границы предлагалось возвести девять мощных крепостей первой линии, в их числе и крепость Брест-Литовск.

Вскоре появился еще ряд проектов. Генерал-майор Деволан в 1797 г. предложил создать на западных территориях единую систему обороны, костяк которой должны были составить три линии эшелонированных в глубину укреплений, в том числе 19 крепостей. Однако дальше «теоретического обоснования» дело не пошло, поскольку наступательные войны «матушки» Екатерины Великой привели к изрядному расстройству государственных финансов и, в частности, к сокращению численности инженерных войск. О проблеме удержания завоеванных территорий всерьез задумались уже в царствование Александра I.

Генерал К.И. Опперман, один из авторов проекта крепости.

В 1803 г. генералу Сухтелену, возглавившему особую Инженерную экспедицию, было поручено произвести осмотр западных губерний. Тогда же Военное Министерство согласилось с его точкой зрения на необходимость укрепления западной границы империи. Подготовка экспедиции растянулась на год, а разразившаяся война с Наполеоном 1805–1807 гг. привела к новой отсрочке. Наконец осенью 1807 г. Сухтелен совершил объезд присоединенных территорий. В своем докладе он особо подчеркнул стратегически важное положение Брест-Литовска и необходимость строительства здесь крепости как опорного пункта действующей армии. Несколько позже с подобным предложением выступил генерал М.Б. Барклай-де-Толли, считавший необходимым иметь в Брест-Литовске укрепленный лагерь, который мог бы служить оперативной базой для 20-тысячной армии. Новая война, на этот раз со Швецией, перечеркнула и эти планы.

Весной 1810 г. для российского руководства стала явной неизбежность военного столкновения с наполеоновской Францией и ее союзниками. Реально оценивая свои силы в преддверии нашествия, в котором русская армия должна была противостоять почти всей Европе, военный министр в записке «О защите западных рубежей России» предложил в начале военных действий уклоняться от генерального сражения на границах, отводить войска вглубь страны, ослабляя врага действиями легких сил и применяя тактику «выжженной земли»: «...открыть отступное действие к древним границам нашим, завлечь неприятеля в недра отечества нашего и заставить его ценою крови приобретать каждый шаг...» Оборонительные позиции предполагалось оборудовать по линии рек Двина, Березина и Днепр. Особое внимание уделялось

модернизации фортификационных сооружений Риги и Киева, возведению крепостей Динабург (современный Даугавпилс) и Бобруйск, строительству бесполезного, но любезного сердцу монарха Дрисского укрепленного лагеря, предмостных укреплений в районе Борисова. В свете принятой стратегии вопрос о Брест-Литовской крепости стал неактуальным.

В 1817 г. Александр I назначил генерал-инспектором по инженерной части и шефом лейб-гвардии Саперного батальона своего брата Николая Павловича. Великий князь, влюбленный в инженерное дело, вкладывал всю энергию в формирование русского инженерного корпуса. Он почти ежедневно посещал подведомственные учреждения, подолгу просиживал на лекциях офицерских и кондукторских классов учрежденного в ноябре 1819 г. Главного инженерного училища, изучая черчение, архитектуру, фортификацию и другие предметы. Его ближайшим помощником стал директор инженерного департамента генерал К.И. Опперман. Этот «тандем» приступил к решительному упорядочиванию сильно запущенного после петровских времен крепостного дела. Взойдя на престол в 1825 г., Николай I одним из приоритетных мероприятий в деле обороны страны объявил постройку новых крепостей на западной границе, которые вместе со старыми укреплениями должны были образовать три линии. К первой оборонительной линии относились возводимые на реке Висла крепость Модлин, позднее переименованная в Новогеоргиевск, Варшавская Александровская цитадель и Ивангород; ко второй – Брест-Литовск; третью должны были составить перестроенные крепости Киев, Бобруйск и Динабург.

Относительно Бреста великий князь Константин Павлович писал: «Если Гродно на границе по Неману является воротами Российской империи, ключом страны, то таким же может стать Брест-Литовск на месте слияния Мухавца с Бугом. В способах осуществления поставленной цели между этими городами существует сходство, отличаются они лишь характером местности... В Брест-Литовске, как в Гродно, наименьшее количество оборонительных линий позволяет охватить большое пространство, сохранить большинство зданий, сделать таким образом, что внутри крепости можно разместить большое количество войск и обозов».

Идея укрепления Брест-Литовска приобретала конкретные формы. 23 декабря 1823 г. инженер-генерал Н.М. Малецкий представил собственный план, который предусматривал превращение центрального острова в главный опорный пункт путем возведения вокруг города оборонительных казарм и каменной стены. Планировалось также строительство фортификаций на северном и южном островах, предмостного укрепления за западным берегом Буга и укрепленного лагеря между ним и Тересполем. Гарнизон крепости должен был состоять из 10 900 солдат. Проект Н.М. Малецкого получил одобрение и дал толчок дальнейшим разработкам.

Николай I, император России (1796–1855). Литография Е. Демезона

В 1827 г. Н.М. Малецкий представил великому князю Константину два новых проекта, которые были переданы на рассмотрение начальнику артиллерии и инженерных войск Западного округа генералу Оку. В ходе совместных обсуждений в проект внесли ряд изменений: отказались от идеи строительства укрепленного лагеря на левом берегу Буга, запланировали возведение кирпичных фортов перед Кобринским предместьем, изменили конфигурацию укреплений на центральном острове. Однако, по мнению генерала Ока, и в исправленном виде проект Малецкого не в полной мере отвечал поставленным задачам и требовал доработки. В 1829 г. появилось еще два проекта создания Брест-Литовской крепости: один вновь предложил генерал Н.М. Малецкий, другой – генерал К.И. Опперман. Генерал Ок, давший им оценку, высказался в пользу второго проекта, который обладал несколькими преимуществами: был дешевле, обеспечивал эффективную оборону, удачно вписывался в рельеф, предусматривал возможность перестройки полевых укреплений в долговременные, позволял использовать кирпичные здания города в интересах крепости. До утверждения проекта генерал Ок предложил произвести подробное исследование местности. В связи с этим в Брест-Литовск был направлен полковник А.И. Фельдман, который произвел необходимые замеры, на основании которых Опперман внес в проект поправки и в октябре 1830 г. представил окончательный план царю.

Предполагалось, что на строительстве в течение двух лет ежедневно будут задействованы 1000 саперов, 7000 солдат и 1000 лошадей. Для руководства работами по возведению крепости

Брест-Литовск были сформированы строительный комитет во главе с генералом Малецким и инженерная команда под началом капитана Вильмана. Однако вспыхнувшее в Польше восстание сорвало плановые работы, вынудив бросить все силы на сооружение полевых укреплений вокруг города и усиление Брестского замка.

После того как на престол взошел Николай I, внутренняя политика империи претерпела кардинальные изменения: от космополитизма и борьбы с «русским национализмом» правительство ударилось в противоположную крайность под лозунгом «Самодержавие. Православие. Народность». Новый монарх хотя и короновался польским королем, но «поляков и жидов» откровенно не любил. Началась планомерная русификация политической, общественной и культурной жизни западных губерний. Резко ограничивались права униатской церкви, которой «рекомендовалось» вернуться в лоно православия, упразднялись привилегии, дарованные предыдущими императорами. Осенью 1830 г. в Варшаве распространились слухи о том, что император планирует использовать польскую армию для подавления революции во Франции и Бельгии. 17 ноября началось восстание, которое распространилось по всей Польше. Сейм объявил о низложении династии Романовых и отделении от России, провозгласив главой правительства Адама Чарторыйского, а главнокомандующим с диктаторскими полномочиями генерала Хлопицкого, уступившего этот пост князю Михаилу Радзивиллу. Великий князь Константин Павлович под охраной гвардии оставил Варшаву и сам отпустил оставшиеся верными присяге превосходно обученные польские полки.

В короткий срок все Царство Польское было очищено от русских войск. Лишь в районе Белостока и Брест-Литовска оставался Литовский корпус генерала Розена. На помощь ему были двинуты Гренадерский корпус князя Шаховского и I корпус графа Палена. Поспешные, неудачные действия принявшего общее командование фельдмаршала И.И. Дибича, который рассчитывал провести молниеносную кампанию и пренебрег обеспечением тылов, а также эпидемия холеры, косившая солдат тысячами, поразившая самого главнокомандующего и великого князя Константина, привели к тому, что в апреле 1831 г. восстание перекинулось на территорию Литвы, Волыни и западной Беларуси. Однако здесь оно не получило поддержки городского населения и крестьянства и широкого размаха не имело. Брест-Литовск был обложен повстанцами, но горожане к ним присоединиться отказались. Город деятельно готовился к обороне и успешно отбил один нерешительный приступ. К августу волнения были подавлены на всей территории Беларуси, а 26 сентября русская армия под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича после 36-часового штурма овладела Варшавой. В октябре Польша была окончательно усмирена. Результатом поражения восстания стали упразднение конституции, сейма, отдельной польской армии, введение российского территориально-административного деления. Граф Паскевич был назначен наместником в Царстве Польском и главнокомандующим прикрывавшей западное направление 1-й армии в составе I–IV «действующих» корпусов. Отдельный Литовский корпус был переименован в VI пехотный.

Генерал-инженер И.И. Ден (1787–1859)

Эти события послужили дополнительным толчком к скорейшей реализации плана строительства Брест-Литовской крепости. С целью пересмотра и внесения поправок ее проект вновь попал в руки генерала К.И. Оппермана. Но уже в 1832 г. правительство потребовало, не дожидаясь утверждения детальных чертежей, приступить к заготовке необходимых материалов, для чего было отпущено 500 тысяч рублей. Общее руководство работами поручили командиру Западного инженерного округа генерал-майору И.И. Дену. Высший надзор за ходом строительства был возложен на фельдмаршала Ф.И. Паскевича.

Как уже говорилось, проектов имелось несколько, но Николай I выбрал самый радикальный: крепость было решено возвести на территории старого города, снести все мешающие постройки и стены старого замка и переселить жителей. Исторический Брест с его 800-летней историей подлежал полному уничтожению. Скорее всего это решение было принято как минимум на год раньше – слишком вольготно обращался с «подведомственным городом» барон Розен. Из предписания командира корпуса гродненскому губернатору следует, что к сооружению «крепостных укреплений и зданий» на месте жилой застройки приступили еще в мае 1830 г. Тогда же были произведены обмеры каменных монастырей и костелов «для переоборудования зданий с целью помещения учреждений другого назначения». Согласно рапорту

брестского городничего от 24 августа 1831 г., при подходе к Бугу мятежных войск солдатами VI корпуса «сверх прежде сломанных при оборонительных укреплениях обывательских в г. Бресте домов 83 сломано таковых же по волынскому форштадту 8». В 1833 г. Николай I внес собственноручные изменения в проект Оппермана и окончательно утвердил его.

Польский автор сокрушался: «...царь Николай I готовил городу гибель. Ни одно неприятельское нашествие не уничтожило так основательно древний град с его прекрасными памятниками старины, как уничтожил его император России. Он дал приказ разрушить город и вместо него построить оборонную фортификацию. От какой опасности она должна была защищать русское государство? От порывов свободолюбивых литовцев и поляков?.. Стоило ли разрушать и уничтожать материальное достоинство и культурные достижения, добытые многими поколениями?»

Началось строительство четырех временных укреплений. Центральное укрепление, или Цитадель, возводилось на месте торгово-ремесленного центра города. Волынское, или Южное, укрепление сооружалось на месте древнего детинца, где находился Брестский замок, предназначенный к сносу. Кобринское, или Северное, укрепление строилось на месте Кобринского предместья, где находились усадьбы горожан. Наконец, Западное, или Тереспольское, укрепление должно было разместиться на левом берегу Западного Буга на территории местечка Тересполь, где также решено было выселить жителей и разрушить их дома.

В июне 1833 г. развернулись земляные работы, продолжавшиеся пять лет. Тысячи солдат и согнанных на строительство крестьян, а также участники восстания проделали огромную работу, вручную перекопав и перенеся сотни тысяч кубометров земли, насыпав валы и прорыв каналы. Уже в декабре 1833 г. в Брест-Литовск из Киева была переведена гарнизонная артиллерийская рота, а через полгода из Варшавы прибыл гарнизонный батальон. В ночь с 31 мая на 1 июня 1835 г., за четыре месяца до посещения города Николаем I, в Брест-Литовске весьма своевременно вспыхнул очередной пожар, уничтоживший более 300 строений и позволивший ускорить расчистку территории будущей крепости. Сильно пострадали и были разобраны монастырь августинцев, католический костел и Свято-Николаевская церковь, в которой была подписана Брестская уния, а также знаменитая на всю Европу синагога. Погорельцы получали денежную компенсацию, но отстраиваться на прежнем месте уже не имели права. Согласно Положению от 27 июня 1834 г. новый город было предписано ставить в 2 км «северо-восточнее гласиса крепости», на правом берегу Мухавца в Кобринском предместье.

До возведения крепости Брест имел 726 домов, один православный и шесть католических монастырей, синагогу, иезуитский коллегиум (одним из самых знаменитых его выпускников и преподавателей был воин-философ Казимир Лыщинский, сочинивший атеистический трактат «О несуществовании бога»), 12 приходских и монастырских церквей, магистратуру, гостинный двор, больницу, 160 торговых лавок.

Во время пожара и переноса на новое место город лишился всех архитектурных и культурных памятников, архивов и коллекций. Перестали действовать православный Симеоновский монастырь, доминиканский костел, униатские Троицкая, Михайловская, Преображенская церкви. Гродненский губернатор М.М. Муравьев прислал специальную комиссию, ее чиновники работали в архивах уездного суда, городского магистрата, монастырей. Наиболее ценные материалы направлялись лично Муравьеву, они не найдены до сих пор.

Хотя горожане при переселении получали определенное возмещение за убытки «по справедливой оценке», ссуды, пособия деньгами и лесом, процесс проходил непросто. В реляциях вышестоящему начальству комендант крепости генерал-лейтенант Ляхович писал о чрезвычайном положении, которое сложилось в связи с разрушением многих жилищ «по случаю возводимых укреплений» и ставил вопрос о принятии мер «к отвращению могущих возникнуть от того волнений».

К 1836 г. земляные работы были в основном завершены, и крепость, оборонительная линия которой состояла из ряда бастионных фортов с рavelинами, представляла собой уже довольно мощный опорный пункт.

23 апреля был окончательно утвержден план долговременной фортификации, и 1 июня 1836 г. в торжественной обстановке Главнокомандующий действующей армией фельдмаршал Паскевич, граф Эриванский, светлейший князь Варшавский, заложил первый камень будущей крепости, в основание которой замуровали бронзовую памятную доску и шкатулку с монетами. Между землями города и крепости были поставлены межевые знаки. В 1838–1839 гг. для участия в строительстве прибыли полки 9-й и 10-й пехотных дивизий и 9-й артиллерийской бригады.

Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич (1782–1856)

Появилась возможность заработать на грандиозном строительстве. Так, в районе деревни Гершоны купцы Либерманы основали мануфактуру по производству кирпича. Работали здесь всего 50 человек, но производительность предприятия составляла 500–700 тысяч штук в год.

Межевой знак между землями города и крепости

Н.И. Палибин на страницах «Русского Архива» рассказывал о том, как во время посещения Цитадели Николай I поднял кирпич и спросил у одного из свитских:

- Из чего сделан этот кирпич?
- Полагаю, из глины, Ваше Величество.
- Нет, из чистого золота, по крайней мере я так за него платил.

Принимая в соображение, что рабочая сила практически ничего не стоила, основные суммы пошли подрядчикам и их покровителям. Закрылась мануфактура через шесть лет, сразу по окончании строительства.

26 апреля 1842 г. над крепостью 1-го класса Брест-Литовск был торжественно поднят флаг. В момент открытия она была одним из самых совершенных укреплений России, которое соответствовало своему предназначению и всем требованиям обороны. О важности крепости свидетельствует то, что Николай за время своего царствования посещал ее семь раз. В то время крепость с сильным гарнизоном могла остановить наступление целой армии противника. Неприятель, опасаясь действий этого гарнизона в своем тылу, не решался пройти мимо крепости, вынужден был предпринимать долгую осаду или блокировать цитадель, выделив для этого значительную часть своих войск. Случалось, что война сводилась к борьбе за овладение крепостью. Ф. Энгельс отмечал: «Русские, особенно после 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин, Варшава, Ивангород, Брест-Литовск образуют целую систему крепостей, которая по сочетанию своих стратегических возможностей является единственной в мире».

Эта «система» должна была выполнять роль важнейшего оборонительного рубежа в случае вражеского вторжения, а также имперского форпоста, контролирующего присоединенные территории. Выступая перед жителями Варшавы, Николай I, указывая на Александровскую

цитадель, заявил: «Вам предстоит, господа, выбор между двумя путями: или упорствовать в мечтах о независимой Польше, или жить спокойно под моим правлением. Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной национальной, независимой Польши и все эти химеры, вы только накличете на себя большие несчастья. По велению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, разрушу Варшаву и уж не я отстрою ее снова».

Стоит добавить, что 12 февраля 1839 г. в Полоцке был составлен акт о присоединении униатской церкви к православной, а в 1840 г. на территории Беларуси было отменено действие статутів Великого княжества Литовского, особым указом запрещено слово «Беларусь».

Брест-Литовская крепость была возведена на четырех островах, образованных рукавами рек Мухавец и Западный Буг, а также системой искусственных обводных каналов. Общая длина оборонительной линии достигала 6,4 км и состояла из ряда бастионных фортов и рavelинов.

Цитадель – главное укрепление – представляла собой оборонительную систему, основу которой составляла расположенная по периметру центрального острова замкнутая двухэтажная казарма высотой 16 м и протяженностью 1,8 км, возведенная по проекту А.Е. Штауберта. Наружные стены казармы из прочного красного кирпича имели толщину около 2 м. В ее 500 казематах могли разместиться 12 тысяч солдат с необходимым для боевых действий снаряжением и запасом продовольствия. Ниши стен с бойницами и амбразурами были приспособлены для стрельбы из ружей и пушек. На внешней стороне полукругом выдавались вперед четыре полубашни, предназначенные для флангового обстрела атакующего противника. Во внутренний двор укрепления можно было попасть только через четверо ворот, расположенных на одинаковом расстоянии друг от друга.

Наружная стена кольцевой казармы (рондо)

Для нужд гарнизона перестроили уцелевшие после пожара церкви, монастыри и костелы. В здании коллегии иезуитов разместились канцелярия коменданта крепости и инженерное управление. Костел августинцев некоторое время служил царской резиденцией, а в 1856 г. на его месте началось строительство гарнизонной церкви по проекту архитектора Д.И. Гримма. Здание монастыря базилиан было приспособлено под артиллерийские казармы. Униатскую церковь Петра и Павла, известную как Белый дворец, переделали под офицерское собрание. Последний жилой дом снесли в 1838 г. Еще через десять лет разрушили костел доминиканцев. В западной части острова в 1851 г. возвели здание арсенала длиной 136 м и шириной 22 м. Шестнадцать казематов нижнего яруса арсенала предназначались для хранения передков и зарядных ящиков, верхний ярус – для стрелкового и холодного оружия.

Цитадель с трех сторон прикрывали предмостные укрепления.

Кобринское укрепление состояло из четырех бастионных фортвов и трех равелинов. (Бастион представлял собой пятиугольное сооружение, воздвигнутое в углах крепостной ограды, для обстрела местности и фланкирования крепостных стен и рвов перед ними. Передние стены бастиона называются фасадами, боковые – фланками, тыльная внутренняя сторона – горжей. Два смежных бастиона и соединяющий их участок ограды (куртина) образуют бастионный фронт. Равелин – вспомогательное фортификационное сооружение обычно треугольной формы, располагавшееся перед крепостным рвом между бастионами (перед куртиной). Служил для прикрытия крепостных стен от артиллерийского огня и атак противника, обстрела ближних подступов, а также для сосредоточения войск гарнизона перед вылазками. В трех бастионах находились небольшие казематированные редюиты – внутренние укрепления, последний оплот оборонявшихся.)

Помещения бывшего монастыря бригиток в западной части укрепления использовались вначале как пересыльная тюрьма, затем здесь разместились арестантская рота, а с 1851 г. – и следственная тюрьма. Монастырь тринитариев, расположенный позади бастиона III, стал называться Тринитарской казармой. С центральным островом Кобринское укрепление соединялось мостами через Мухавец с Кобринскими и Бригитскими воротами.

Волынское укрепление состояло из двух бастионных фортвов и полубастиона с двумя равелинами. С центральным островом укрепление соединялось Волынскими (ныне Холмскими) воротами и подъемным мостом через Мухавец. Ворота с внешней стороны имели вид небольшого замка в псевдорусском стиле с башенками и зубчатой стеной.

Кобринские (Трехарочные) ворота

Находившиеся на Южном острове монастыри и костелы бернардинцев и бернардинок были переоборудованы в казарменные помещения по проекту архитектора Мордвинова. В комплексе разместился Брестский кадетский корпус. Инициатива его создания принадлежала виленскому генерал-губернатору Ф.Я. Мирковичу, убежденному, что после восстания 1830–1831 гг. правительство обязано взять дело воспитания в свои руки. Миркович сумел убедить Николая I, посетившего Брест в августе 1840 г. для ознакомления с ходом строительства крепости, в том, что гражданские учреждения в Беларуси не принесут пользы. Он настаивал на создании закрытого учебного заведения, от которого «только должно ожидать образования нового поколения людей». Правда, Миркович хотел открыть заведение в Вильно и уже организовал сбор денег на строительство. Но император на все резоны губернатора заявил: «На твои деньги я возведу оборонительную казарму и в ней устрою корпус... надеюсь, что до 1 мая 1841 года у меня здесь будет сотня кадетиков».

Волынские (Холмские) ворота

Корпус был учрежден указом императора от 16 апреля 1841 г. Однако еще почти год ушел на создание учебной базы, формирование штатов, отбор воспитанников. Официальное открытие состоялось 30 августа 1842 г. На церемонии присутствовали Миркович, заместитель начальника военно-учебных заведений Ростовцев, архиепископ Литовский и Виленский Семашко. В честь бракосочетания наследника престола по предложению местной шляхты корпус стал именоваться Александровским.

Начальником корпуса был назначен генерал-майор А.П. Гельмерсен. Его имя десятилетия пребывало в забвении, и сегодня очень мало известно фактов из его богатой событиями биографии. Но стоит только захотеть, и проявляется история целого дворянского рода, служившего Отечеству в самых различных областях. В этом роду были рыцари и депутаты, ученые и артисты, генералы и дипломаты.

Его отец, Петер Бернхардт, служил директором Санкт-Петербургского Императорского театра. Младший брат Григорий стал выдающимся российским ученым, академиком, директором Горного института, составителем первой геологической карты европейской части России.

Александр Петрович родился 13 марта 1797 г. в городе Дукерсхоф Эстляндской губернии. В 1811 г. он попал в первый набор учеников Царскосельского лицея наряду с А.С. Пушкиным, В.Е. Кюхельбеккером, А.А. Дельвигом. Однако в лицее юноша провел только один учебный год. Накануне Отечественной войны родители забрали Александра из лицея и приписали в Семеновский полк. С этого времени началась военная карьера. Пятнадцатилетний поручик конной артиллерии Гельмерсен геройски сражался на Бородинском поле; в 1813–1814 гг. участвовал в Заграничном походе русской армии. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. русская гвардия осаждала крепость Варну и приняла ее капитуляцию. В 1830–1831 гг. Александр Петрович отличился при усмирении польского восстания, участвовал в

штурме Варшавы, был награжден орденом Святого Владимира с бантом и орденом Святого Станислава III степени.

Осенью 1831 г. полковник лейб-гвардии Семеновского полка А.П. Гельмерсен был направлен на «педагогическую работу» в Школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Задачей данного учебного заведения являлась подготовка офицеров гвардейских полков из молодых людей, получивших гражданское образование. Директором школы был генерал-майор барон Шлиппенбах, кавалерийским эскадроном командовал полковник Стунеев, а пехотную роту возглавлял полковник Гельмерсен. В 1832–1834 гг. в Школе учился М.Ю. Лермонтов, выпущенный поручиком лейб-гвардии Гусарского полка.

Еще в 1832 г. Гельмерсен женился на Антуанетте Юлии Хелене Россилион. В 1836 году у них родилась дочь София, а в 1838-м сын Петер Людвиг. В Брест-Литовске в 1843 г. родился младший сын Александр Людвиг.

За десять лет деятельности на посту начальника Александровского кадетского корпуса А.П. Гельмерсен проявил себя как талантливый педагог, великолепный организатор и, как вспоминают искренне уважавшие его воспитанники, «один из добрейших и милых людей».

Умер Александр Петрович 12 мая 1852 г. и был похоронен на кладбище деревни Тришино рядом с другими офицерами брестского гарнизона. На могиле генерала установлен уникальный памятник чугунного литья, изготовленный на средства, собранные сослуживцами. Крупный денежный вклад внес лично цесаревич Александр, который являлся не только Шефом кадетского корпуса, но и сам проходил военную службу в Семеновском полку. Примечательна надпись на надгробной доске: «Любимому и уважаемому начальнику от благодарных подчиненных».

После смерти Гельмерсена корпус поочередно возглавляли генерал-майор Мейнандер и генерал-майор В.И. Назимов. Учебной частью руководил В.Б. Чистяков, один из лучших педагогов своего времени.

Памятник на могиле генерал-майора А.П. Гельмерсена

В корпус принимали дворянских детей в возрасте от 10 до 18 лет из Виленской, Гродненской, Минской губерний, а если были свободные места, – из Белостокской области и Царства Польского. Вначале здесь обучались 88 воспитанников. Позднее ежегодный набор составлял 122 человека, срок обучения был установлен в семь лет. Кадетов сводили в четыре роты – две мушкетерские, гренадерскую и неранжированную. Особую роту составляли «служители» – унтер-офицеры, фельдфебели, каптенармусы и солдаты. Они исполняли при кадетях обязанности ординарцев, кухарок и прачек. На содержание корпуса шляхта выплачивала специальный налог – 6 копеек с крестьянской души.

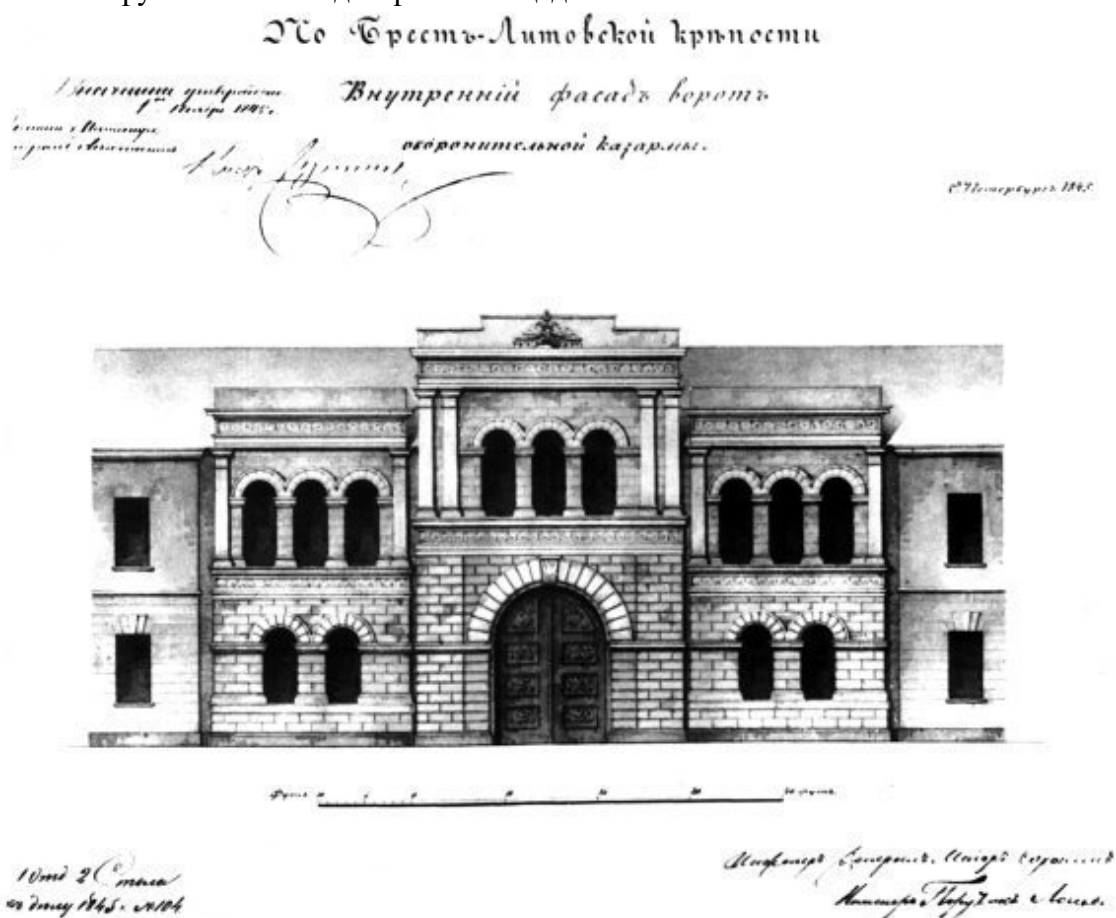
Учебное заведение было призвано обучать дворянских детей наукам и военному делу. Кроме того, оно играло большую роль в деле русификации полонизированной местной шляхты. Обучение проводилось в духе верности самодержавию на русском языке. Целью его было воспитать «верных слуг Государю и сторонников России». Преподаватели и деканы обязаны были оберегать кадетов от заразы вольнодумства. Согласно высочайше утвержденному «Секретному наставлению» от 24 октября 1849 г. необходимо было «обращать особое внимание на бдительное преподавание тех предметов, изложение которых по предосудительному духу настоящего времени может подавать неблагонамеренности больше случаев ко внушению молодым людям неправильных и превратных понятий о предметах политических... Господствующие в западной Европе идеи требуют особенного в этом отношении предостережения, по существу своему не подлежат гласности». Весьма опасными для молодежи считались такие предметы, как право, история, политэкономия и финансы. Много времени уделялось изучению языков: классических, русского, немецкого, французского.

Одно из главных мест занимали физическая и военная подготовка. Каждое лето кадетов выводили в лагеря, которые располагались в районе мызы Катенбург. Воспитанником корпуса

был один из будущих руководителей польского восстания, видный деятель Парижской коммуны Ярослав Домбровский.

Тереспольское укрепление на левом берегу Буга состояло из четырех земляных люнетов, соединенных куртиной. Люнеты представляли собой открытые с тыла сооружения из двух фронтальных и двух боковых валов. Два средних люнета имели горжу, сомкнутую оборонительной стенкой, к которой примыкал казематированный редюит. В 1847 г. позади линии люнетов было воздвигнуто Мостовое прикрытие из двух бастионов.

Тереспольские ворота и Канатный мост (на старых планах он называется Пооволочным), самый большой в то время в России, соединяли укрепление с Цитаделью. Над въездным проемом ворот возвышались четыре яруса узких окон-бойниц, над которыми позднее была надстроена пятиярусная башня с дозорной площадкой.

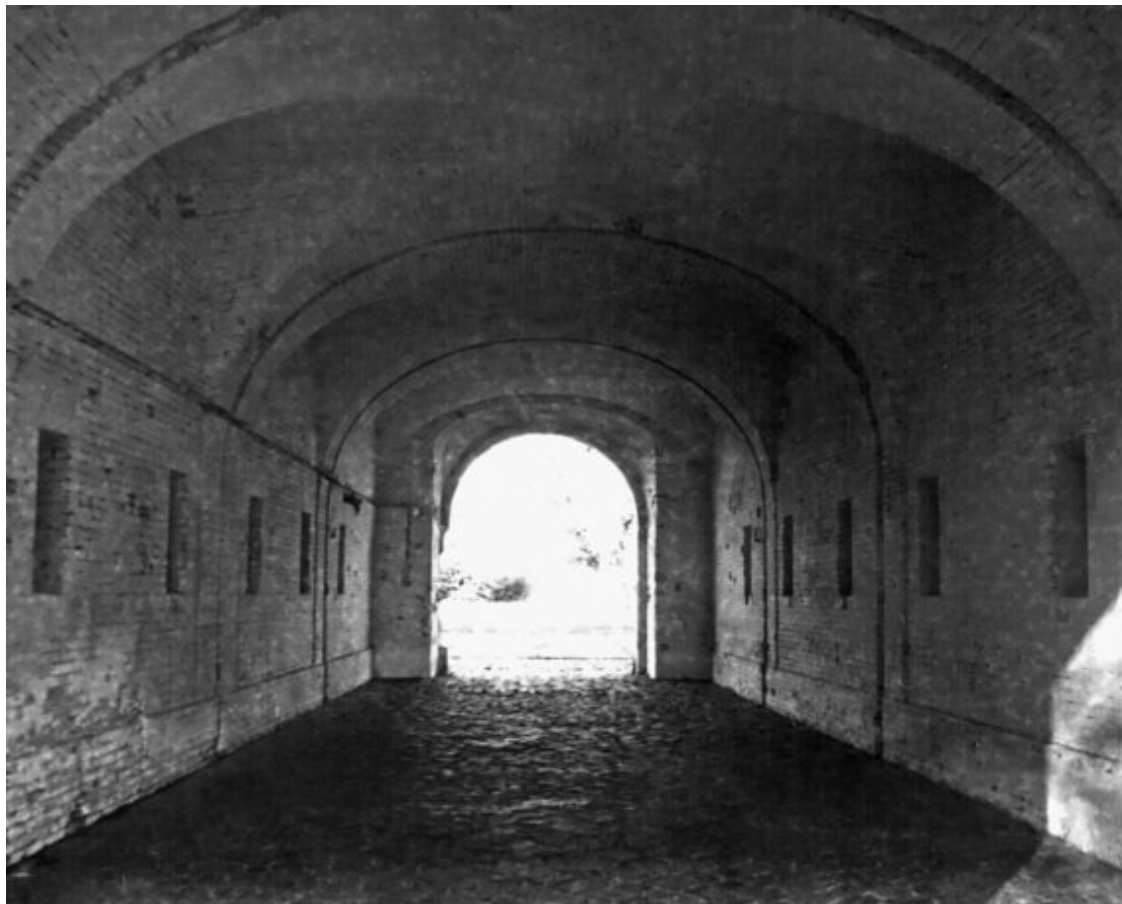

Чертеж внутреннего фасада ворот оборонительной казармы

По внешней линии крепости проходил земляной вал высотой до 10 метров с расположенными внутри сводчатыми казематами из кирпича, за ним – ров, заполненный водой, с перекинутыми через него мостами. Обращенное на запад Тереспольское укрепление прикрывалось тремя рвами – по линии IX и X бастионов Мостового прикрытия, по линии люнетов, и Передовым рвом. Звездообразный ломаный в плане контур внешних укреплений позволял отражать неприятеля с любого направления, реализуя принципы так называемой тенальной фортификации.

С прилегающей к крепости территорией предмостные укрепления соединялись мостами с каменными Александровскими (ныне Северными), Михайловскими (Восточными), Николаевскими (Южными) воротами, встроенными в земляные валы, и Варшавским проездом. Мощ-

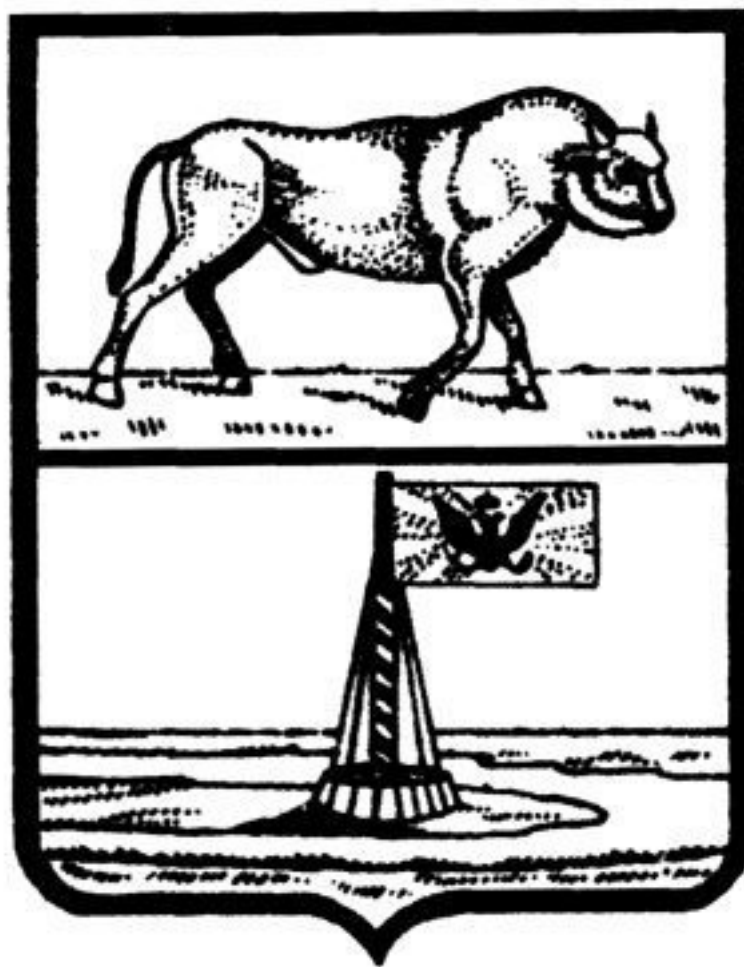
ные сводчатые проходы ворот закрывались массивными створками, в стенах с обеих сторон были устроены узкие вертикальные бойницы. Общая площадь фортификационных сооружений составляла 4 квадратных километра.

Южные ворота.

Сооружение крепости нашло отражение в гербе Брест-Литовска, который был утвержден в 1845 г.: на мысе при слиянии двух рек – круг из серебряных щитов, над ним возвышается крепостной штандарт, в верхней части герба – зубр.

Новый Брест возник на месте бывшего Кобринского предместья и занимал территорию, которая была больше, чем старое «место», в пять раз. Сюда из крепости были переведены почтовая контора, еврейская школа, уездный суд, магистрат, казначейство. В здании администрации разместились уездные власти, пожарная часть, тюрьма и охранная команда. С самого начала и до 1850-х гг. все общественные здания возводились по проекту, либо под непосредственным руководством городского архитектора Роговского, назначенного на этот пост с должности уездного землемера Волковыска. В 1837 г. на строительство зданий в городе правительство выделило 437 тысяч рублей.

Брестский уездный герб, 1845 г.

Брест-Литовск получил плановую застройку и широкие улицы, магазины, торговую площадь, новую церковь и костел. Однако естественному развитию города долгое время препятствовал сам факт существования крепости. Каменные здания разрешалось строить в порядке исключения. Высота их ограничивалась двумя этажами, дабы они не закрывали обзор и сектора стрельбы гарнизону, не служили ориентирами для противника. Позднее по тем же причинам запрещалось ставить высокие фабричные трубы. Даже сорок лет спустя на самых «крупных» брестских предприятиях трудилось не более 10–12 рабочих.

В городе безраздельно властвовали военные, регламентируя все аспекты городской жизни на основании высочайше утвержденного с «чрезвычайной заботливостью об интересах жителей» Положения 1834 г. В дореволюционном справочнике отмечено: «Положение о застройке города приостановило, вернее, вытеснило здесь все прочие законы, в том числе и Городовое Положение, для применения которого, в сущности, тогда не было почвы... Пока город не отстроился и не окреп на новом месте, не встречалось надобности в применении каких-либо гражданских законов». Любое строение в городе и его окрестностях могло быть возведено только с разрешения инженеров. Точно так же оно могло быть снесено по их приказу. Например, на прошение мещанина Казимира Харкевича о постройке в Бресте лесопильного завода Гродненское губернское управление наложало следующую резолюцию: «...принимая во внимание, что на возведение завода не встречается препятствия и со стороны Брест-Литовского Крепостного Инженерного Управления... и Харкевич обязался подпискою снести

этот завод по требованию военного ведомства, поэтому лесопильный завод, как временный, разрешить, с тем только, чтобы на поставку при этом заводе парового котла было испрашено особое разрешение...»

Въезд в город Брест-Литовск.

Не менее рьяно генералы контролировали культурную и духовную жизнь, поскольку имели на то секретные инструкции и разъяснения, в которых указывалось: «Строго наблюдать за неприкосновенностью начала, служащего основой нашего Государственного быта. Оно состоит в том, что Россия, как по местному своему положению, нравам народным и потребностям всех сословий, так и по вековым историческим событиям, упрочившим ее благоденствие, не может и не должна иметь иного образа правления, кроме Монархического самодержавного, в котором Государь как Покровитель Церкви и Отец Отечества есть не только средоточие, но и соединение всех властей в Государстве.... Ни под каким видом не может быть допускаемо не только порицание нашего образа правления, но даже изъявления сомнений в пользе и необходимости самодержавия в России». В гродненском архиве сохранился запрос коменданта Пяткина к губернатору: позволять ли заезжим трупам играть пьесы на польском языке, ежели оный Пяткин сам польского языка не знает?

Да и сами жилые районы именовались «форштадтами», т. е. передовыми укреплениями. Самым крупным зданием в городе долгое время были торговые ряды, построенные по проекту генерала Дена, который был утвержден лично «Главным Инженером империи». Брест-Литовск был преимущественно деревянным, одноэтажным и выглядел собранным на скорую руку, без следов исторического прошлого, без архитектуры, без памяти и, как указывал географический словарь той эпохи, без всякого «умственного развития». Посетивший его в середине XIX в. подполковник Генерального штаба П. Бобровский отмечал, что фасады домов в городе построены по одному проекту, покрашены в желтый цвет и впечатление производят мрачное. По данным на 1857 г., здесь проживало 18,8 тысячи человек, в том числе 12,7 тысячи евреев и 6 тысяч военнослужащих. Лишь в 1875 г. в Брест-Литовске, превратившемся в типичное еврейское местечко, стало действовать Городовое Положение 1870 года.

В первые двадцать лет существования крепости здесь не было постоянного гарнизона. Она служила базой для размещения пехотных корпусов действующей армии. Количество военнослужащих в Бресте и крепости в тот период составляло 5–6 тысяч человек. Кавалерия, как правило, квартировалась в деревнях. На вооружении крепостной артиллерии состояли гладкоствольные 24– и 36-фунтовые пушки, полупудовые единороги, мортиры, стрелявшие ядрами, чугунными бомбами и картечью на дальность до 3500 метров.

Любая крепость – это не только укрепленный пункт с долговременными оборонительными сооружениями, но и место содержания заключенных. Брест-Литовская крепость не была исключением. Здесь, как и в других «укрепленных местах» Российской империи, размещались арестантские роты для провинившихся солдат, учрежденные указом от 21 февраля 1834 г. и проходившие по военно-инженерному ведомству. Заключенных содержали в Бригитской казарме, использовали на строительных и хозяйственных работах, жалование не платили, бессрочных арестантов заковывали в кандалы, за малейшие провинности секли шпицрутенами. В свободное от работы время с заключенными занимались шагистикой. Начальствовали над ними крепостные коменданты, а управляли плац-майоры, служившие на правах батальонных командиров.

Впрочем, в николаевские времена вся русская армия превратилась в огромную «арестантскую роту», которую нещадно пороли и без конца муштровали. Александр I Благословенный, а вслед за ним и Николай, с увлечением насаждали в войсках «гатчинский дух» и устав. В штрафники, причем в бессрочные, можно было попасть за недостаточно развернутый носок, розги в полках расходовались возами. За явное ослушание нижних чинов могли приговорить к шестикратному «прогнанию» через тысячу человек, что заканчивалось смертью дисциплинарно наказуемого. Историограф лейб-гвардии Московского полка полковник Н.С. Пестриков описал методику воинского воспитания образца 1839 г.: «Командир полка сам обходил всех и за каждую ошибку и неправильность бил без всякого милосердия. Тогда ведь если били, так били, не то что теперь. Солдату спускали штаны и приказывали бить по голому телу тесаком. Если бьющий ударял не сильно, то его, в свою очередь, бил сзади следующий, и так часто образовывались целые шеренги бьющих один другого».

Двадцатилетняя «срочная» служба была суровой и изнурительной, а бытовое и санитарное обеспечение войск совершенно дикое. Более чем миллионные вооруженные силы почти не имели казарм и лазаретов. Заболеваемость и смертность втрое превосходила аналогичные показатели среди гражданского населения. Так, во время подавления польского восстания лейб-гвардии Московский полк потерял убитыми и ранеными 10 человек, а от болезней умерли 142 человека. В одном из отчетов за 1835 г. указывалось, что из 231 099 человек 173 892 оказались больны, причем 11 023, т. е. каждый двадцатый, умерли. С 1841 по 1850 г. среднегодовая заболеваемость в войсках достигала 70 процентов штатного состава, смертность – 4 процента: «Новобранец, поступавший на 20 лет, имел таким образом 80 шансов из 100 умереть на службе, даже без войны». В результате огромные размеры приняло дезертирство, в офицерской среде начался массовый уход со службы. Нередким явлением стало самоубийство, вещь ранее неслыханная «в благочестивой русской армии».

Боевых командиров, помнивших эпоху наполеоновских войн, сменили плац-парадные «танцмейстеры». А.А. Керсновский писал: «Вальтрапы и ленчики, ремешки и хлястики, лацканы и этикетки сделались их хлебом насущным на долгие годы. Все начальники занялись лишь фрунтовой муштрой. Фельдмаршалы и генералы превращены были в ефрейторов, все свое внимание и все свое время посвящавших выправке, глубокомысленному изучению штиблетных пуговичек, ремешков, а главное – знаменитого тихого учебного шага «в три темпа...» Замысловатые построения и перестроения сменялись еще более замысловатыми. Идеально марширующий строй уже не удовлетворял – требовались «плывущие стены»!.. На стрельбу по-прежнему отводилось 6 патронов в год на человека. В иных полках не расстреливали и

этих злополучных шести патронов из похвальной экономии пороха. Смысл армии видели не в войне, а в парадах, и на ружье смотрели не как на орудие стрельбы и укола, а прежде всего как на инструмент для охватывания приемов...

Боевая подготовка войск на маневрах сводилась к картинному наступлению длинными развернутыми линиями в несколько батальонов, шедших в ногу, причем все заботы командиров – от взводного до корпусного – сводились к одному, самому главному: соблюдению равнения... Так создавалась на плацах какая-то особенная «мирно-военная» тактика, ничего общего не имевшая с действительными боевыми требованиями. Система эта совершенно убивала в войсках, особенно в командирах, всякое чувство реальности. Все было построено на фикции, начиная с «показных атак» дивизионного и корпусного учения и кончая «показом» заряжания и «показом» выстрела одиночного обучения...

Настоящий воинский дух, бессмертные российские военные традиции в полном блеске сохранили только кавказские полки. Остальная же армия мало-помалу разучилась воевать...»

Такой же порядок Николаю мечталось видеть в Европе.

Когда в феврале 1848 г. вспыхнула революция во Франции, царь составил манифест, в котором говорилось: «Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие сообщились сопредельной Германии, и разливаясь повсеместно с наглостью, возрастающею по мере уступчивости правительств, раздражительный поток сей прикоснулся наконец союзных нам Империи Австрийской и Королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своим и нашей, Богом нам вверенной России». В связи с революционным взрывом, потрясшим Европу, Брест-Литовская крепость впервые была приведена в боевую готовность. В марте 1849 г. по просьбе австрийского императора Франца-Иосифа русские войска под командованием николаевского «отца-командира» И.Ф. Паскевича отправились на подавление венгерского восстания – спасти династию Габсбургов.

Брестский пехотный полк в 1844–1846 гг. в составе 13-й пехотной дивизии был «откомандирован» в Дагестан ловить мюридов Шамиля, в 1849 г. умирал Трансильванию, затем снова оказался на Кавказе, где сражался с турками во время Крымской войны 1853–1856 гг. и заслужил Георгиевское знамя.

В эту войну благодаря своей бездарной дипломатии, Россия оказалась в условиях внешнеполитической изоляции. Совершенно неожиданно для царя изменили свою ориентацию «союзные Империя Австрийская и Королевство Прусское», недвусмысленно угрожавшие русским границам. Боевые действия велись на Дунае, Кавказе, в Крыму, под Архангельском и Петропавловском. Отдельные 100-тысячные армии приходилось держать на Балтийском побережье и в Царстве Польском. Летом 1854 г. Брест-Литовская крепость была переведена на военное положение. В связи с возможностью нападения Австрии Николай I лично разработал план военной кампании по прикрытию «центра государства». Врага намечалось встретить на реках Вепрж и Висла и, опираясь на крепости первой линии, дать ему генеральное сражение. В случае неудачного исхода русские войска должны были левым крылом отойти к Брест-Литовску, где император собирался разместить свою Ставку, пополниться людьми и снаряжением и занять оборону по линии реки Буг, угрожая флангу и тылам австрийцев в случае попытки развивать наступление на Варшаву.

«Здесь можем выждать безопасно, на что решится неприятель, – писал Николай графу Паскевичу. – Не могу думать, чтоб он отважился перейти Буг, чтоб нас атаковать под стенами крепости, ибо столь дерзкое предприятие могло бы дорого ему стоить, и неудача – повлечь изгнание его из царства, с опасностью иметь нас на фланге и быть прижату к Висле ранее, чем достигнет своей границы... Из сего, кажется мне, ясно вывести можно, что во всяком случае Брест для нас единственный и важнейший пункт сбора. Отсюда мы можем со всем удобством действовать, как укажут обстоятельства. Прямой путь вовнутрь России нам остается

свободным, и потому все, что оттуда мы получать должны: продовольствие, снаряды и даже резервы, могут достигать до армии вполне свободно».

Знак Александровского кадетского корпуса.

В связи с назревавшими событиями и «недостатком помещения для гарнизона» 4–7 июля 1854 г. в Москву был переведен Александровский кадетский корпус с более 400 его воспитанниками. Имущество вывозилось обозом, кадетов отправляли в Первопрестольную поротно на вольнонаемных извозчиках. Наиболее состоятельные родители в колясках и с запасами продуктов сопровождали своих чад до места назначения. Поход занял двадцать дней. Обрато в Брест кадеты не вернулись. В Москве корпус занял казармы 2-го Карабинерского полка. В 1859 г. было принято решение о переводе корпуса в Вильно, в 1863 г. в связи с реорганизацией учебных заведений Александровский кадетский корпус был закрыт.

А в помещениях на Волынском укреплении разместили войсковой госпиталь, каменные флигели приспособили под квартиры для господ офицеров.

Крепость была дополнительно укреплена блокгаузами и рвами, на обратных скатах валов устроили палисады. В сентябре из Петербурга в Гродно и Белосток двинулись гвардейские полки.

Конфронтация с Австрией продолжения не получила. После падения Севастополя, поражения в Крыму и скоростной смерти императора Николая I в феврале 1856 г. война для России была проиграна. Причинами стали дипломатические просчеты, которые привели к потере союзников, а также излишняя самонадеянность, экономическая отсталость крепостнической системы, слабая военная и техническая оснащенность войск, отсутствие необходимых дорог и коммуникаций.

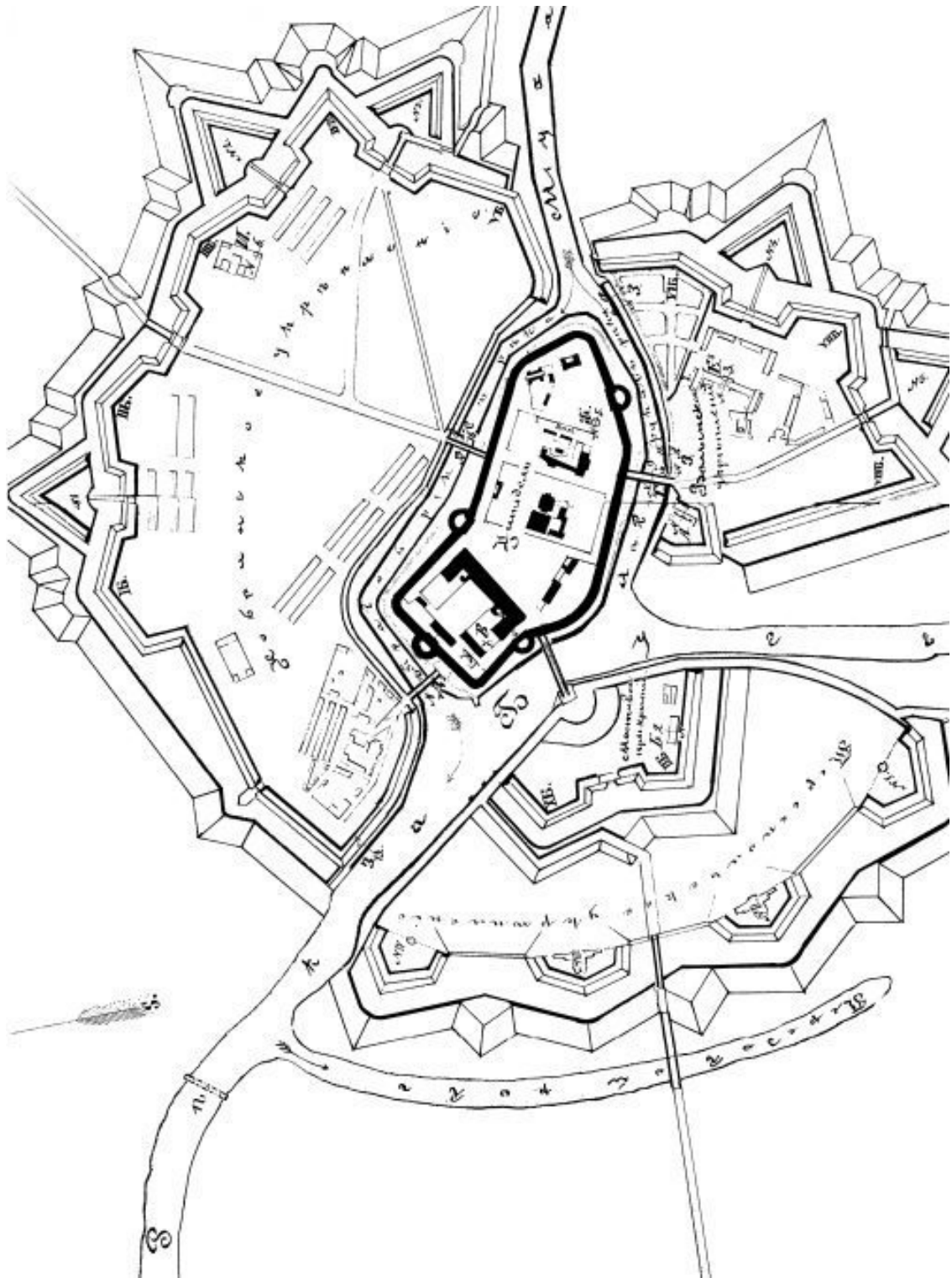
А.А. Керсновский так отзывался о Крымской кампании: «Сбивчивые приказы и путанные контрмарши... Застывший под ядрами строй, смыкающий ряды и подравнивающий носки в ожидании приказа, который будет отдан лишь тогда, когда окажется невыполнимым... Батальонный огонь, не причиняющий особого вреда противнику; колонны, атакующие в ногу, с соблюдением равнения на середину, с потерей половины состава – и без всякого результата... Эти войска учились воевать – и платили за уроки кровавой ценой, хоть и брали за то полную дань восхищения с врага. Эти войска отстаивали свои «ложементы» до последней капли крови, но были бессильны вырвать победу из рук врага. Они умели (и как умели!) умирать, но не умели побеждать, не имели «сноровки к победе».

Едва был подписан мир, новый император, Александр II, приступил к военным преобразованиям. Первым делом было решено сократить непомерно разросшиеся вооруженные силы, увеличив одновременно их боеспособность. В течение шести лет в России не производили рекрутских наборов, срок службы был уменьшен до 15, а затем до 12 лет, распущено ставшее архаикой ополчение, упразднены ряд местных воинских команд, кантонисты и пахотные солдаты – последние остатки аракчеевских военных поселений. В результате к 1862 г. армия сократилась в три раза и составила 800 тысяч человек.

Работы по дальнейшему совершенствованию Брест-Литовской крепости были приостановлены. Отсутствие денежных средств, тяжелые условия Парижского мирного договора, кризис феодальной системы привели к тому, что крепостное строительство в стране было заброшено на 15 лет.

1861 г. стал годом освобождения крестьян от рабства. Но поскольку, согласно опубликованным 19 февраля Положениям, освобождались они без земли, весна в Российской империи ознаменовалась бунтами и волнениями. Народная молва утверждала, что дворяне настоящую «золотую грамоту» о воле утаили, а пустили подложную – «без царской печати и земли». Для поддержания порядка гражданские власти повсеместно прибегали к помощи армии. Так, 28 марта канцелярия гродненского губернатора обращалась к коменданту Брест-Литовска генерал-лейтенанту Бартоломею с просьбой «о вооруженном содействии в связи с переменами в устройстве крестьянского быта». 5 мая земский исправник Порадовский ходатайствовал о том, чтобы оставить в Каменце две роты 12-го Великолукского пехотного полка «для приведения крестьян в надлежащее повиновение».

В вооруженных силах между тем наступил период так называемых милютинских реформ. В 1862 г. было начато постепенное расформирование штаба Действующей армии и корпусов и переход к системе военных округов. Осенью образовались Варшавский, Виленский, Киевский и Одесский округа. Высшим воинским соединением мирного времени стала дивизия. В каждом округе размещалось 7—10 дивизий пехоты и 2—4 дивизии кавалерии. Одновременно было принято решение о формировании специальных крепостных войск – восьми полков крепостной пехоты. Крепостная артиллерия была сведена в 5 батальонов и 19 отдельных рот. Брест-Литовская крепость вошла в состав Варшавского военного округа.

Генеральный план Брест-Литовской крепости, 1861 г

Из-за польского восстания военно-административная реформа была временно приостановлена. Формальной причиной для восстания послужил объявленный в октябре 1862 г. рекрутский набор, первый за семь лет. Сам по себе этот набор в 10 тысяч человек был не в тягость для края, но его должны были произвести исключительно среди городского населения. Поскольку бездарная, точнее, никакая национальная политика все более убеждала поляков в слабости центральной власти, состоявшийся в декабре съезд «Ржонда Народового» открыто

объявил, что он набора не допустит. 10 января 1863 г. повсеместно вспыхнуло восстание, ставившее целью возрождение Речи Посполитой. В одну ночь были произведены нападения на русские гарнизоны в различных городах. Многие вооруженные отряды возглавили офицеры русской службы Лангевич, Левандовский, Сераковский. Специальные группы «палачей-вешателей» и «кинжальщиков» раскручивали маховик «низового террора» – убивали русских чиновников, солдат, просто «москалей». Мятеж в Польше, перекинувшийся в Белоруссию и Литву, вызвал резкий конфликт России с государствами Европы, посчитавшими своим правом вмешаться с предложениями официального посредничества между Империей и Польшей.

Сложная международная обстановка и угроза интервенции вынудили Россию сосредоточить усилия на модернизации приморских крепостей, в первую очередь Кронштадта и Керчи. Русская армия была переведена на военное положение.

В Брестском уезде обстановка оставалась спокойной благодаря наличию крупных военных сил. Кроме того, в предыдущие годы шляхетство здесь было изрядно прорежено и составляло самый низкий процент в сравнении с другими уездами губернии (всего около 800 дворян). Хотя в декабре 1863 г. в городе все же появлялись распространяемые мятежниками «возмутительные листки», а в его окрестностях действовал повстанческий отряд под руководством Яна Ваньковича.

Энергичными крутыми мерами, предпринятыми виленским и варшавским губернаторами М.Н. Муравьевым и Ф.Ф. Бергом, которые сменили слывших либералами благодушных администраторов В.И. Назимова и великого князя Константина Николаевича, восстание было подавлено летом 1864 г.

«Тысячи убитых в сражениях, множество расстрелянных и повешенных, тысячи сосланных в каторгу в Сибирь, сожжение и опустошение многих селищ, выселение целых деревень, лишение жителей дворянского сословия, права приобретения ими имений, права государственной службы, ограничение числа воспитывающихся в высших учебных заведениях, приостановление введения благотворительных реформ, коими пользуются внутренние губернии... – вот грустные последствия увлечений и легкомысленной веры в заграничные подстрекательства» – отмечал русофил А.И. Киркор. (Среди сорока тысяч арестантов, бредущих по этапу в Сибирь, находился бывший капитан инженерной команды Брест-Литовской крепости Юзеф Калиновски. Он родился в 1835 г. в Вильно в семье профессора математики. В девять лет был отдан в местный Дворянский институт, где преподавал его отец, затем поступил в Сельскохозяйственную академию в Горках (ныне Могилевской области). С 1853 по 1857 г. Юзеф учился в Николаевской военно-инженерной школе в Санкт-Петербурге, из которой вышел поручиком русской армии. На протяжении последующих трех лет инженер Калиновски контролировал прокладку железнодорожной линии Курск – Киев – Одесса, а в ноябре 1860 г. получил назначение в Брест-Литовск. Когда началось польское восстание, капитан оказался в трудном положении. Он знал, что восстание обречено на неудачу, в принципе не одобрял кровопролития, полагая, что дело возрождения отчизны требует «не крови, но пота». Однако, горячо сочувствуя патриотам Польши, он не мог выступить против них с оружием в руках, как того требовала присяга. В начале мая 1863 г. Калиновски подал в отставку по состоянию здоровья, а вскоре присоединился к повстанцам и принял пост начальника Военного отдела в Исполнительном комитете Литвы. Его арестовали в марте 1864 г. и приговорили к смертной казни, которую заменили десятью годами каторги «во глубине сибирских руд». Это было время глубокой религиозной перемены в нем.

Отбыв каторгу и ссылку, не имея возможности жить на родине, Юзеф Калиновски выехал в Париж, затем в Австрию, где в 1877 г. вступил в Братство кармелитов, приняв монашеское имя Рафал. Пять лет спустя он был рукоположен в сан священника и избран приором монастыря кармелитов в местечке Черная близ Кракова: «На прочном фундаменте молитвы и самоотречения, он воспринял апостольскую миссию, направленную на духовное освобождение

ние своих угнетенных сограждан, в то время как они боролись за политическое и религиозное освобождение. Он оказал сильное влияние на возрождение польских кармелитов. Особое значение он придавал таинству покаяния, фактически, он провел так много времени, выслушивая исповеди, что в итоге был назван «мучеником исповедальни». Он умер в Вадовицах 15 ноября 1907 г.

В ноябре 1991 г. папа Иоанн Павел II канонизировал отца Рафала Юзефа Калиновского – «воплощение польского патриотизма и католицизма». Так в историческом списке брестского гарнизона наряду с генералами, писателями и героями войн появился свой святой – покровитель военных).

Царство Польское было переименовано в Привислинский край, последние остатки местной автономии упразднены, польский элемент выведен из администрации.

В Брест-Литовской крепости в качестве постоянного гарнизона появился крепостной пехотный полк, для размещения отдельных его подразделений пришлось приспособить здание арсенала. На своем месте в бывшем монастыре бригиток осталась арестантская, теперь уже военно-исправительная рота. В апреле 1863 г. специальным императорским указом в армии отменили «прогнание» через строй и шприцутены. Однако штрафники могли быть подвергнуты телесным наказаниям «в объеме» не более 50 розог.

Во время подавления январского восстания в крепости содержались «бунтовщики», например комиссар Подляшского отряда Роман Рогински. Здесь же приводились в исполнение смертные приговоры. Виселица во дворе тюрьмы, прозванной в народе «Бригитки», стояла на протяжении 30 лет. Гарнизон крепости ввиду слабой подготовки в боях с восставшими участия не принимал в отличие от квартировавших в Бресте частей 3-й пехотной дивизии: 11-го пехотного Псковского генерал-фельдмаршала князя Кутузова – Смоленского полка и 32-го Донского казачьего полка. Командир последнего полковник Г.А. Леонов имел отличия «за усмирение польского мятежа» и исполнял обязанности Брестского уездного военного начальника.

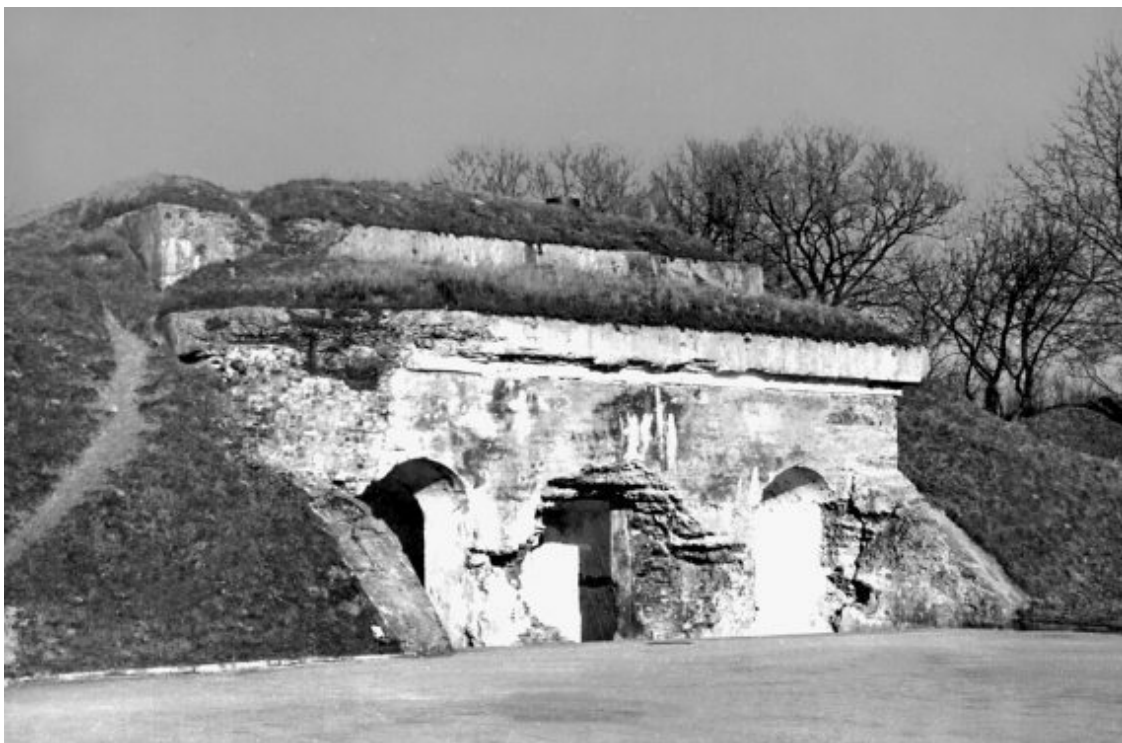
В 1867 г. гарнизон крепости состоял из одного генерала, двадцати штаб-офицеров, семидесяти девяти обер-офицеров, тридцати двух классных чинов, двух священников. Здесь находились 3588 нижних чинов и 672 арестанта. Управление было представлено комендантом «по полевой пешей артиллерии» генералом И.Е. Штаденем, «состоявшим по армейской пехоте» полковником А.П. Борисовым, плац-майором и двумя плац-адъютантами.

Директор главного инженерного управления генерал-адъютант Э.И. Тотлебен (1818–1884).

Крепость уже не вполне соответствовала своему назначению. На вооружение была принята нарезная артиллерия, дальность, точность и разрушительное действие которой значительно превышали возможности гладкоствольных пушек. Это нужно было учитывать при строительстве фортификационных сооружений. Поэтому в 1862 г. директор Главного инженерного управления генерал-адъютант Э.И. Тотлебен представил военному министру Д.А. Милютину записку, в которой предлагалось завершить строительство крепостных укреплений в европейской части России и обеспечить их дополнительными мерами защиты от огня, особенно навесного. В частности, Тотлебен указывал на то, что высокие каменные казармы и многоярусные башни являются отныне лишь хорошими целями, неспособным эффективно противостоять осадной артиллерии, и рекомендовал прикрывать каменные постройки гласисами, разбирать верхние ярусы казематов и укрывать их толщей земли. Для реализации этих задач генерал предлагал в течение 16 лет выделять до 3 миллионов рублей ежегодно. Предложения Тотлебена рассматривались в особом комитете. Денег в империи не хватало, поэтому комитет постановил новых работ в крепостях не предпринимать, а ограничиться приведением в исправность и готовность существующих сооружений. Таким образом, в соответствии с этим решением все русские сухопутные крепости оставались в недостроенном виде, с высокими каменными постройками, неприкрытыми от разрушительного действия нарезной артиллерии.

Тем не менее с весны 1864 г. началась скромная по масштабам, поэтапная реконструкция Брест-Литовской крепости. В этот период дополнительными казематами был укреплен главный земляной вал, насыпаны внутренние траверсы, построены два пороховых погреба на 5000 пудов каждый, укреплены булыжными камнями берега Буга и Мухавца.

Пороховой погреб в восточной части Кобринского укрепления.

В 1864–1868 гг. по проекту Э.И. Тотлебена в горже I и III бастионов Кобринского укрепления были возведены Западный и Восточный казематные редюиты. Каждый редюит состоял из контрэскарповой галереи подковообразной формы, рва и вала, в котором размещались двухъярусная казарма, цейхгауз, два пороховых погреба, пекарня, кухня и столовая для нижних чинов. Ров перекрывался капонирами «для ружейной обороны». Гарнизон укрепления состоял из батальона пехоты. Восточный редюит занял место снесенной Тринитарской казармы. Позади редюитов вдоль правого рукава реки Мухавец были возведены две отдельные батареи, прикрывавшие северную часть оборонительной казармы Цитадели.

Вход в каземат Западного редюита.

Для обеспечения необходимыми стройматериалами в 1867–1868 гг. на эспланаде Кобринского укрепления к северо-западу от Александровских ворот был посажен строевой лес, а в деревне Гершоны вновь построен кирпичный завод, на этот раз казенный.

Западный редут. Контрэскарповая галерея с капониром.

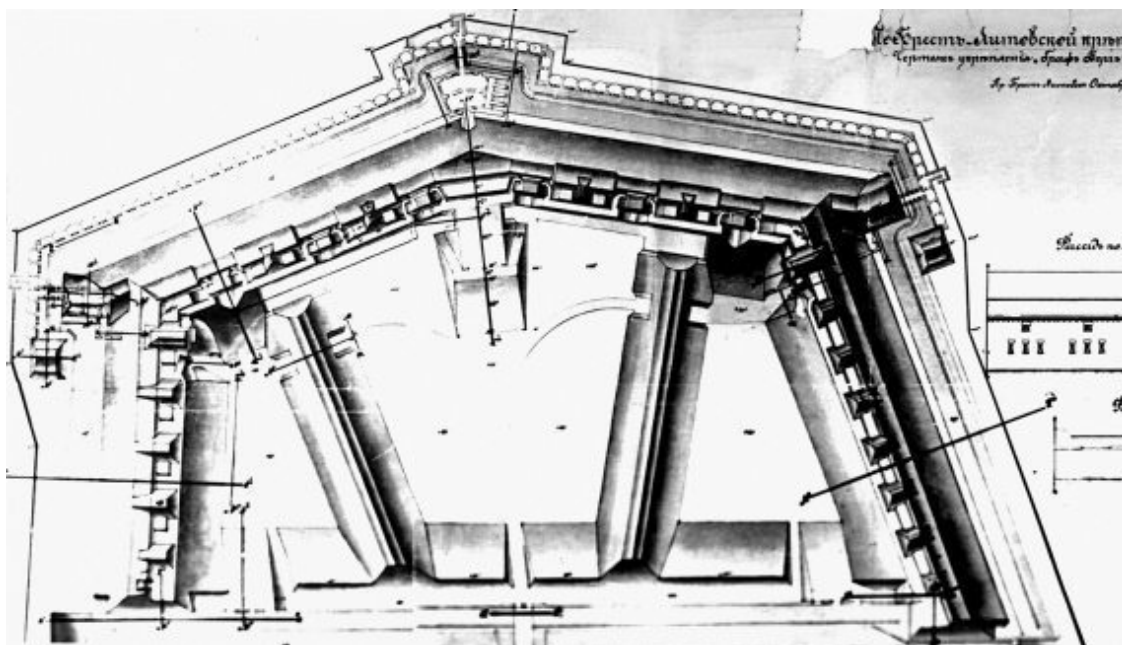
Ежегодно в ноябре – декабре на стол генерал-инспектора по инженерной части ложился подписанный начальником инженеров Варшавского округа «Генеральный план Брест-Литовской крепости» с отчетом о выполненных и планируемых работах. Крепостная позиция неуклонно усиливалась и усложнялась.

В конце 1860-х гг. севернее крепости проложили железную дорогу Москва – Варшава, насыпь которой образовала мертвую зону перед Кобринским укреплением. Для контроля за этим участком в 1869 г. было начато сооружение передового укрепления «Граф Берг» и крупной земляной батареи. Это был первый форт Брест-Литовской крепости, вынесенный на расстояние 850 метров от главной оборонительной линии. Форт, пятиугольный в плане, состоял из контрэскарповой галереи на напольном и боковых фасах, рва и главного вала, в котором размещались два фланговых капонира, двухэтажная казематированная казарма, соединявшаяся с капонирами аппарелями. В горжевой части находились полукапонир, два пороховых погреба и кухня. Основные строительные работы были завершены в 1872 г. Мощеная дорога связывала форт с Кобринским укреплением через Александровские ворота, которые были переименованы в Белостокские. Тогда же в крепости углубили и расширили рвы, устроили в них капониры, перестроили мосты, северо-восточную часть кольцевой казармы приспособили под паровую мукомольную мельницу.

Крепость в то время имела на вооружении 757 орудий, почти половину составляли нарезные 24-фунтовые и 8-дюймовые пушки и мортиры образца 1867 г. с дальностью стрельбы до 7000 метров.

В 1876 г. в южной части Кобринского укрепления было закончено строительство сводчатой артиллерийской лаборатории с двумя мощными казематами, предназначенными «для варки составов», и «домика фейерверкера» при ней, а на Волынском – «машинного здания» для снабжения водой госпиталя. Архитектурным центром Цитадели стала законченная в 1878 г. гарнизонная Свято-Николаевская церковь. Постройка храма, его роспись, внутреннее убранство, утварь обошлись казне в 300 тысяч золотых червонцев.

До совершенства была доведена водно-инженерная система. Выше и ниже крепостной позиции на Мухавце и Буге устроили шлюзы системы Пуаре. Обводные рвы укреплений отделялись от рек плотинами, в которых были проложены «каменные трубы» с заслонками. Это позволяло регулировать уровень воды в каналах, а при необходимости ее можно было спустить и сделать канал любого укрепления сухопутным. Рядовой Корнелий Гагал, служивший в крепости в конце XIX в., вспоминал, что «воды в канале было вровень с берегом, а рыбы – что листьев на дереве». Рыбу разводили специально на случай длительной осады, ловить ее запрещалось.

Чертеж укрепления «Граф Берг».

24-фунтовая чугунная крепостная пушка образца 1867 г.

1 января 1874 г. в России была введена всеобщая воинская повинность граждан всех сословий, достигших 21 года. Срок определили в 15 лет, из них 6 лет в строю и 9 лет в запасе. Вооруженные силы государства теперь состояли из постоянных войск и ополчения.

Опыт франко-прусской войны подтвердил неэффективность и незащищенность замкнутой крепости-лагеря перед лицом массированных бомбардировок нарезной артиллерии с дистанции 5–8 км. Пример крепости Мец, капитулировавшей вследствие того, что там заперлась 140-тысячная французская армия, заставил прийти к выводу, что «крепость губит армию, которая позволила себя в ней запереть; армия в свою очередь губит крепость, поглощая ее запасы и тем сокращая продолжительность ее существования». С этого момента основой обороны крепостей стали мощные артиллерийские форты, удаленные от центрального укрепления и приспособленные к самостоятельной и долговременной обороне. В 1873 г. было учреждено Особое совещание о стратегическом положении России, которое на основании доклада неутомимого Тотлебена признало необходимым усилить передовыми укреплениями крепости Новогеоргиевск, Ивангород, Александровская цитадель и Брест-Литовск. На заседании Тайного Совета с участием Александра II, состоявшемся 12 марта, эти предложения были приняты.

Главное инженерное управление составило типовые чертежи новых фортов и издало их в виде атласа под заглавием «Нормальные чертежи фортификационных построек». Типовым считался артиллерийский форт, обозначенный в атласе как «укрепление № 2», который представлял собой шестиугольник, окруженный рвом и валом, прикрытыми тремя капонирами. Вал снабжался валгангом для установки орудий, орудийные позиции отгораживались шестью двухэтажными казематированными траверсами. По сути укрепление являлось выдвинутой вперед батареей, в которой практически не предусматривалось наличие пехоты.

Из-за финансовых затруднений дело долгое время ограничивалось съемкой местности, разбивкой и трассировкой укреплений. Наконец, едва начав работы, в 1876 г. их пришлось прекратить из-за надвигавшейся войны с Турцией. Все силы были брошены на укрепление обороны Черноморского побережья. В июле 1877 г. на театр военных действий убыли полки 3-й пехотной дивизии, прославившие впоследствии свои знамена в Балканском походе. В Брест-Литовске началось формирование 50, 60 и 76-го резервных батальонов.

Доставшиеся дорогой ценой успехи России в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. были сведены на нет итогами Берлинского международного конгресса, созванного в июне 1878 г. по инициативе Германии. Русские внезапно обнаружили, что немцы, считавшиеся на протяжении двадцати лет самыми надежными союзниками, «оказались гораздо более похожими на врагов». В этой ситуации инженерное обеспечение западной границы империи становилось вопросом первостепенной важности.

18 ноября 1878 г. на основе топографических работ, произведенных комиссией под руководством генерал-лейтенанта Н.Н. Обручева, был утвержден план усиления Брест-Литовской крепости кольцом из семи передовых укреплений, отстоящих на удалении на 3,5–4 км от Цитадели и друг от друга. В 1878–1880 гг. в северном и северо-западных секторах были построены форты I, II и III. В ходе выполнения работ план был скорректирован в пользу возведения в этих секторах еще двух укреплений: форта VIII между фортами I и II, форта IX – в районе железнодорожного вокзала между фортами II и III. Форты I, II, III, IX представляли собой модернизированный проект «укрепления № 2».

Каземат форта I.

В 1883 г. после завершения первых четырех фортов началось строительство остальных пяти. Опыт русско-турецкой войны убедительно продемонстрировал возросшую силу ружейного огня, и это обстоятельство заставило инженеров задуматься об изменении конструкции

форта, спроектированного в 1874 г. Главное инженерное управление разработало новый тип форта пятиугольного в плане и с двумя валами. Высокий внутренний вал с пятью казематированными траверсами предназначался для установки артиллерии крупного и среднего калибра. На переднем, низком, валу оборудовалась стрелковая позиция, в углах которой имелись барбетты для легких противотанковых пушек. Рвы напольных и горжевого фасов защищались двумя капонирами, а боковые – двумя полукапонирами. Жилая казарма с четырьмя казематами, рассчитанная на роту солдат, располагалась внутри форта и была связана с капонирами и полукапонирами потернами, входы в которые запирались изнутри железными дверями 30-сантиметровой толщины с массивными кримальерными замками. В потернах были устроены пороховые погреба. Форты IV–VIII, которые возводились по этому проекту, имели незначительные отличия в конструкции, вызванные привязкой к конкретной местности. Форты IV и V находились в юго-восточном и восточном секторах, форты VI и VII – в западном секторе на левом берегу Буга.

Надворный капонир у Александровских ворот.

Таким образом, за десять лет к 1888 г. вокруг Брест-Литовской крепости было возведено девять кирпично-земляных фортов, в каждом из которых можно было разместить гарнизон численностью около 250 человек и до 20 орудий. Форты I, II, III имели сухие рвы, а IV–IX были окружены рвами, заполненными водой. В этот же период на Тереспольском укреплении был засыпан внутренний ров и снесено Мостовое прикрытие, в валу первого бастиона Кобринского укрепления построены Северо-Западные ворота с мостом.

Общая длина оборонительной линии достигла 30 километров. На строительство, обновление и ремонт всех укреплений Брест-Литовской крепости с 1833 по 1882 г. военным инженерным ведомством было потрачено около 14 миллионов рублей.

Осенью 1884 г. управляющий делами Военно-научного комитета генерал-майор Л.Л. Лобко подал начальнику Главного штаба русской армии генералу Н.Н. Обручеву докладную записку, в которой обосновывал необходимость создания воздухоплавательной роты и специального органа для наблюдения за развитием военной аэронавтики и разработки научных вопросов по данной проблематике. На основе этих предложений император Александр III поручил военному министру П.С. Ванновскому подготовить представление в Государственный совет о необходимом финансировании. Вскоре при гальванической части Главного инженерного управления была образована комиссия по применению воздухоплавания, голубиной почты и сторожевых вышек в военных целях под председательством генерал-майора М.М. Борескова. На ее работу было выделено 270 тысяч рублей.

26 января 1885 г. в Санкт-Петербурге была создана первая в русской армии воздухоплавательная команда, получившая на вооружение аэростаты «Сокол» и «Орел». Уже в конце октября военные аэронавты приняли участие в войсковых учениях под Красным Селом и Брест-Литовском, а летом следующего года – в крупных двусторонних маневрах Варшавского и Виленского военных округов, на которых присутствовал Александр III.

Приезд императора Александра III в крепость, 1886 г.

По окончании маневров на перроне только что построенного брестского вокзала, стоившего казне около двух миллионов рублей, состоялась официальная встреча русского императора с германским кронпринцем Вильгельмом. По наблюдению графа С.Ю. Витте, они выглядели странной парой: «Вильгельм по своим манерам, по всем своим выходкам, – так сказать, ферт; он являлся полной противоположностью по характеру Александру III, который был крайне неподвижен и вахлак». Причем будущий кайзер вел себя весьма искательно и подавал русскому императору шинель. С вокзала высокие гости в экипажах отправились в крепость, где состоялся молебен с торжественным выходом, большой обед и фейерверк.

В октябре 1887 г. было разработано Положение о воздухоплавательной части, в соответствии с которым предполагалось иметь несколько типов воздухоплавательных парков – кадровый, крепостной и полевой. Учебный кадровый парк предназначалось содержать как в мирное, так и в военное время. Крепостные парки следовало формировать в военное время, а в мирное иметь лишь материальную часть без личного состава. Полевые парки предполагалось создавать по мере надобности в военное время. Для развития воздухоплавательной службы в армии в дальнейшем планировалось приступить к формированию девяти крепостных воздухоплавательных отделений. Закончилась организация военно-голубиных станций. В Брестской крепости такая станция разместилась в центре Кобринского укрепления.

В 1880-е гг. определился новый расклад сил в Европе. Наиболее «вероятным противником» России в будущих конфликтах стали заключившие военный союз Германия и Австро-Венгрия. Изменение политической обстановки влияло на дислокацию войск. Западные приграничные округа получили систему управления, аналогичную армии военного времени. Здесь сосредоточивалась основная масса кавалерии, сюда с Кавказа из внутренних округов переводили самые боевые дивизии. В 1888 г. на запад из Казанского военного округа была переброшена на запад 2-я пехотная дивизия. Из ее состава в Брест-Литовской крепости разместились два полка: 5-й пехотный Калужский Вильгельма I и 6-й Либавский принца Фридриха-Леопольда Прусского пехотный полки. Войска Варшавского округа на 99 процентов были укомплектованы выходцами из русских губерний.

24 июня 1888 г. крепость посетил с инспекторской проверкой великий князь Владимир Александрович. В программу визита входили посещение крепостного собора, осмотр укреплений, парад гарнизона. Владимир Александрович осмотрел госпиталь, голубиную станцию, зернохранилище и хлебопекарню. Затем великий князь направился к форту IV, где состоялось представление офицеров различных частей, показ форта и упражнений крепостной артиллерии.

В 1891 г. брестские номерные резервные батальоны и крепостной полк получили наименования и были развернуты в 189-й Измаилский, 190-й Очаковский, 191-й Ларго-Кагульский и 192-й Рымникский полки сокращенного состава, сведенные в одну резервную бригаду. В случае мобилизации она разворачивалась в штатную пехотную дивизию. В 1895 г. крепость вслед за Варшавой, Осовцом, Новогеоргиевском и Ивангородом получила воздухоплавательное отделение, на вооружении которого были свободные и привязные аэростаты, а также новейшие средства связи – телеграф и телефон.

Развитие артиллерии, увеличение ее дальности, повышение мощи, появление крупнокалиберных фугасных снарядов, разработка теории «ускоренной атаки» крепостей через промежутки между фортами дали толчок к совершенствованию крепостных сооружений и применению в фортификационном деле новых материалов – бетона и брони.

В конце 1880-х гг. в Брест-Литовской крепости приступили к инженерному развитию межфортных промежутков. В каждом секторе строили пороховые склады, насыпали земляные валы, прикрывавшие позиции артиллерийских батарей. Во второй половине 1890-х гг. часть передовых опорных пунктов была оборудована бетонными укрытиями. Много усилий было затрачено на создание сети коммуникаций, обеспечивавшей связь между объектами, а также маневрирование силами и средствами. На Кобринском укреплении вдоль аллеи от Северо-Западных ворот к Восточным возводились дома для семей офицеров.

В случае войны Брестская крепость должна была стать базой обеспечения полевых войск, действующих западнее Буга. Ее стратегическое значение еще более возросло в связи с тем, что город стал крупным узлом коммуникаций. Здесь же с началом мобилизации планировалось формировать подразделения для пополнения гарнизонов крепостей первой линии. Согласно союзному договору с Францией русская армия, проведя мобилизацию под прикрытием укреплений, должна была перейти к наступательным операциям в направлении Берлина или Вены.

План развития крепостей, утвержденный в 1898 г. военным министром генералом Куропаткиным, предусматривал проведение крупных фортификационных работ в западных областях страны. В том же году в районе Белостока и Брест-Литовска вновь проходили маневры Варшавского и Виленского округов. Однако интересы России на Дальнем Востоке и назревавший конфликт с Японией вынудили направить основные усилия на строительство крепости Порт-Артур, модернизацию укреплений Владивостока и Николаева-на-Амуре.

До начала русско-японской войны вследствие урезанного финансирования в Брест-Литовской крепости успели лишь приступить к возведению в северо-восточном секторе бетонного форта X по проекту генерала Величко. Он находился в двух километрах восточнее фортов III и IX и стал первым самостоятельным опорным пунктом, вынесенным за пределы общей оборонительной линии. Форт имел в плане начертание трапеции, один вал, приспособленный для стрелков, в углах которого располагались барбетты для легких орудий, выкатываемых из специальных убежищ.

В 1905 г. крепостное воздухоплавательное отделение развернулось в батальон, который размещался на Западном острове.

Воздушный шар перед подъемом. В центре – начальник военно-голубиной станции полковник Я.И. Петерсен. Фото 1909 г.

Поражение в войне с Японией, давшее толчок к началу первой русской революции 1905–1907 гг., затормозило крепостное строительство в России. Различными комиссиями усиленно изучался опыт обороны Порт-Артура, рассматривались вопросы реорганизации старых и проектирования новых укреплений. В Брест-Литовской крепости в то время велись работы только в форту V: капониры, казематы, потерны перестраивались по старому проекту, но из бетона; на валу появились пять двухъярусных казематов для прислуги противострелковых орудий.

Громким эхом прогремели события Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. Стачки и вооруженные выступления проходили по всей империи, в том числе на бывшей территории Речи Посполитой. Активно митинговали и бастовали рабочие и железнодорожники Брест-Литовска. Революционный дух не минул и солдат гарнизона, хотя командиры старались максимально изолировать их от гражданского населения. В армии был реализован ряд мероприятий по материальному обеспечению военнослужащих, в частности повышено жалование нижним чинам. Солдатам стали выдавать постельные принадлежности, полотенца и носовые платки.

Форт V. Горжевой капонир.

24 ноября 1905 г. рота крепостной артиллерии во главе со старшим писарем А.И. Александровым организовала митинг, в котором приняли участие 7, 11, 12, 15 и 16-я роты. Солдаты требовали освободить кронштадтских матросов, отбывавших наказание в Брестской крепости, и солдат-агитаторов гарнизона, сократить срок службы, улучшить бытовые условия, разрешить «свободные отлучки после занятий и переклички», а также «беспрепятственное курение табаку». На дверях столовых, на центральном проходе Цитадели и в других местах были расклеены воззвания, призывавшие требовать «свободной жизни солдат», объявить забастовку, не подчиняться начальникам и не выполнять служебные обязанности. Брестская военно-революционная организация РСДРП выпустила и распространила воззвания «К солдатам Брест-Литовской крепости», «Ко всем солдатам Брест-Литовской крепости и гарнизона», листовку «26 требований солдат к начальству». Выступление артиллеристов не поддержала пехота. В течение трех дней энергичными действиями коменданта крепости генерала Лазарева волнения были прекращены. Печатавшие листовки на штабной пишущей машинке писари А.И. Алексан-

дров и П.И. Горохов пошли на каторгу. Командование вынуждено было удовлетворить некоторые требования: демобилизовать солдат сверхсрочной службы, улучшить питание.

Форт V. Двухъярусный каземат для прислуги противотанковых орудий с наблюдательным колпаком.

Строгая дисциплина, изолированная от города жизнь гарнизона, по признанию одного из агитаторов, бомбардира М.Н. Коковихина, «затрудняли партийную работу». Однако весной 1906 г. войска были выведены в летние лагеря в район полигона у форта IV. Здесь в полках развернули пропаганду представители различных социалистических партий, призывавших к борьбе с царизмом, обещавших землю, свободу и всеобщую революцию. Особо благодатную почву эти «семена» нашли во 2-м осадном артиллерийском полку, где обстановка была доведена до взрывоопасного состояния.

«8 июля 1906 года, – вспоминал М. Коковихин, после вечерней поверки, около 10 часов вечера, на шоссе, шагах в ста от палаток, небольшая группа солдат без всякого повода крикнула «ура». Этот крик, раздавшийся во внеурочное время, остальные солдаты восприняли как сигнал к восстанию, о котором говорили им агитаторы. Возгласы «ура» повторились в разных концах лагеря, пока их не подхватили все артиллеристы – две тысячи человек».

Однако обещанной революции не произошло. Другие воинские части выступление не поддержали: «Когда артиллеристы узнали, что крепостная пехота не хочет присоединиться к восстанию, их обуяла ярость (агитаторы говорили раньше, что солдаты крепостной пехоты ждут только сигнала к восстанию). Раздался крик «В ружье!» Солдаты крепостной артиллерии ринулись к палаткам, захватили винтовки и патроны, выбежали на шоссе и открыли пальбу по лагерям пехоты, находившимся на расстоянии 1–2 км. Стрельба продолжалась до тех пор, пока не иссякли патроны караульного запаса». После чего артиллеристы бросились бить офицеров, но к этому времени командиры и начальник крепостной артиллерии генерал Иванов успели бежать в Цитадель. Разочарованные солдаты сожгли помещение лагерного офицерского собрания и разгромили солдатскую лавку.

Наутро боевой пыл угас, отрезвевшие «повстанцы» поодиночке и мелкими группами начали перебегать в крепость. Оставшиеся в лагере 10 июля были окружены войсками и сда-

лись без сопротивления, 700 участников выступления были арестованы. Их собрали в десятом форту, где в течение полутора месяцев велись допросы. Большинство солдат было отпущено. Суду подверглось 32 человека, из которых пятерых оправдали, остальных приговорили к каторжным работам и отправили в арестантские роты.

По окончании русско-японской войны с Дальнего Востока в район Брест-Литовска прибыла 38-я пехотная дивизия, ранее дислоцировавшаяся в Закавказье.

К инженерному обеспечению западной границы обратились вновь в 1907 г., когда наряду с вопросами модернизации либо упразднения уже существующих крепостей возникла концепция создания новой крепости в Гродно, стратегическое значение которой вытекало из ее флангового положения относительно направления движения вероятного противника на Брест-Литовск. Разрабатывались новые проекты фортов, из которых к реализации были рекомендованы три: генералов Величко, Буйницкого и полковника Малкова-Панина. Общим в этих проектах, разосланных Главным инженерным управлением во все крепости в качестве руководства, была заложенная в них возможность поэтапного развития форта, что позволяло строить укрепления в течение нескольких сезонов по мере поступления денежных средств при сохранении определенного уровня обороноспособности.

В 1909 г. под руководством военного министра генерала В.А. Сухомлинова был составлен новый план дислокации войск и стратегического развертывания армий на случай войны, так называемое «19-е расписание». В связи с этим встал вопрос и об использовании крепостей. Предложено было упразднить Варшавский укрепленный район и Ивангород, оставив лишь крепость Новогеоргиевск, а рубеж стратегического развертывания перенести вглубь страны на линию модернизированной крепости Ковно, Брест-Литовска, вновь построенной крепости Гродно. Среди ряда мероприятий предусматривалось усовершенствование Брест-Литовской крепости путем возведения второго кольца фортов на удалении 9–9,5 км от Цитадели. Год спустя были упразднены все резервные войска и крепостная пехота. Существовавшие 27 резервных бригад и 9 крепостных пехотных полков были сведены в 7 полевых пехотных дивизий нормального состава. Брест-Литовские полки составили 48-ю пехотную дивизию, которая вскоре убыла в Казанский военный округ. Это решение, оставившее фортификации без специально обученной пехоты, являлось малооправданным, поскольку опыт войн свидетельствовал, что позиции лучше защищают те войска, которые их знают. 2-я пехотная дивизия вошла в состав вновь учрежденного XXII армейского корпуса, выдвинутого к германской границе.

Всего в Варшавском военном округе дислоцировались теперь 10 дивизий, которые входили в состав пяти корпусов, образовывавших в случае войны 2-ю армию Северо-Западного фронта (деление войск в западных губерниях на два фронта – Германский и Австрийский – было предусмотрено еще в 1902 г.).

Развернувшееся в начале XX в. строительство управляемых аэростатов в Германии, Франции и Италии и значительные по тому времени достижения этих летательных аппаратов, которые могли играть важную роль при ведении боевых действий, заставили серьезно задуматься над этим вопросом русское военное ведомство. В 1906 г. начальник Главного инженерного управления, докладывая военному министру о необходимости иметь на вооружении дирижабли, подчеркивал, что «армии, снабженные подобными аппаратами, будут обладать могущественным средством для производства рекогносцировок и могут нанести тяжелый моральный ущерб армиям, не имеющим таковых средств». В силу технического отставания России десять управляемых аэростатов предполагалось приобрести за границей, но необходимых средств тогда найти не удалось. Лишь в 1909 г. закупили во Франции на заводе «Лебоди» один полужесткий дирижабль, получивший в России наименование «Лебедь».

В 1910 г. 2-я рота Брест-Литовского воздухоплавательного батальона получила на вооружение дирижабль французского производства «Клеман-Байяр», названный «Беркут». Аппарат поднимал в воздух пять-восемь человек и мог развивать скорость до 54 км/час. В качестве

вооружения на нем устанавливались два «ружья-пулемета Мадсена» с боекомплектом в три тысячи патронов. В 1913 г. в строй вступил более крупный дирижабль «Кондор», также французского производства. Он имел радиус действия до 200 км, высоту подъема 2000 м, оборудовался приспособлениями для сбрасывания бомб и обладал продолжительностью полета до двадцати часов. Экипаж состоял из шести человек. В планах Верховного главнокомандования дирижаблям отводилась роль стратегических разведчиков. Имея на борту радиотелеграфную станцию, они должны были передавать сведения о передвижении войск противника. Кроме того, планировалось создание крепостного авиаотряда из четырех-шести самолетов.

30 июня 1911 г. инженерный комитет Главного инженерного управления рассмотрел и одобрил генеральный план развития Брест-Литовской крепости, рассчитанный на десять лет при ежегодном ассигновании около двух миллионов рублей. По экономическим соображениям в него были внесены изменения, главным из которых стало требование, чтобы линия обороны не превышала 40 км. Новый план был утвержден Комитетом Генерального штаба в 1912 г.

Тереспольские ворота и Канатный мост. Зима 1911 г.

Согласно плану, оборонительный обвод должен был состоять из 14 фортов, 21 опорного пункта, 5 оборонительных казарм и нескольких десятков артиллерийских батарей. На расстоянии 6–7 км от крепости создавалась линия из 11 новых фортов, получивших литерное обозначение А, В, Г, М, Е, Ж, З, И, К, Л, О. В состав этой позиции вписывались и старые форты I, VIII и X. Два последних переименовывались соответственно в форты Б и Д. Между фортами планировалось возвести опорные пункты, предназначенные для подвижных резервов, казармы и артиллерийские погреба.

Артиллеристы Брест-Литовской крепости в форту VI. В центре – заведующий учебной командой полковник В.Г. Тизенгаузен. Фото 1912 г.

В модернизации крепости принимали участие видные русские военные инженеры. Во главе строительства стоял начальник инженеров крепости генерал-майор А.К. Овчинников, а с 1913 г. – генерал В.В. Голицын. У них было два помощника: по строительной части – полковник Прейсфренд, которого позднее сменил полковник Г.И. Лагорио, по хозяйственной части полковник Н.В. Короткевич-Ночевной. Обязанности производителей работ исполняли капитаны И.О. Белинский, М.В. Миштовт, С.И. Егоров, В.К. Монахов, Д.М. Карбышев, П.П. Архипенко, штабс-капитан В.М. Догадин. Другие вакансии занимали капитаны К.Д. Сарандинаки, Н.П. Логанов, К.Д. Красицкий, Б.Р. Добошинский, В.Г. Алексеев, М.В. Десницкий, А.В. Максимов. Всего крепостной «инженерный корпус» насчитывал 25 человек.

Полковник Г.И. Лагорио (1876–1938), помощник начальника инженеров крепости.

Надо сказать, что офицеры корпуса военных инженеров русской армии были специалистами высочайшего класса, в полном смысле слова – «штучными» специалистами. В корпус зачисляли лучших из лучших, окончивших, кроме двухлетнего основного, дополнительный курс Николаевской инженерной академии, а таковых академия после жесточайшего отбора выпускала не более 30 человек. Слушатель, не выдержавший любого из многочисленных экзаменов, автоматически возвращался в свою часть, независимо от курса, переэкзаменовка не позволялась. На дополнительный курс можно было попасть, имея при 12-балльной шкале оценок не менее 10 баллов в среднем по всем предметам основного курса. Так, в 1911 г. выпуск военных инженеров составили 24 офицера. Одним из них, получившим назначение в Брест-Литовскую крепость, был участник русско-японской войны, в будущем генерал-лейтенант Красной Армии, Герой Советского Союза Дмитрий Михайлович Карбышев.

Штабс-капитан И.О. Белинский (1876–1966), старший производитель работ.

Капитан-инженер Д.М. Карбышев (1880–1945), старший производитель работ.

Кстати, он был женат. Ничего особенного в этом нет, странность заключается в том, что Алису Карловну из биографии знаменитого генерала «вымарали». Все, что мы знаем – несколько зарисовок из мемуаров В.М. Догадина: она была старше Карбышева на шесть лет, страшно его ревновала ко всем женщинам гарнизона, не любила ходить в гости, предпочитая отдыхать в ресторанах, и однажды, после очередной семейной сцены, застрелилась. Остался один групповой снимок да могильный камень на Тришинском кладбище.

Проекты укреплений разрабатывались на месте самими военными инженерами, производителями работ, под общим руководством известного фортификатора, профессора Николаевской военно-инженерной академии генерала Н.А. Буйницкого, периодически приезжавшего в Брест-Литовск. Разработанные проекты рассматривались в Инженерном комитете при Главном инженерном управлении в присутствии авторов.

«Такой порядок проектирования имел глубокий смысл, – вспоминал В.М. Догадин, – так как проектировщик знал местные условия и «не витал в облаках», а как строитель осуществлял свои собственные замыслы, что вдохновляло производственника в его созидательной работе и вознаграждало его радостным чувством удовлетворения созданным сооружением». Согласно существующему положению, проект стоимостью до 500 рублей утверждался начальником инженеров крепости, стоимостью до 5000 рублей – в округе, свыше этой суммы – в Петербурге.

На первом этапе дело ограничивалось проектированием новых и укреплением старых построек. В частности, были переоборудованы форты IV, V, VII, VIII первой линии и порохо-

вые погреба, в которых кирпичные перекрытия казематов прикрыли слоем бетона из расчета, что долговременные сооружения должны выдержать попадание 420-мм снарядов. Началось строительство нового форта «Ж».

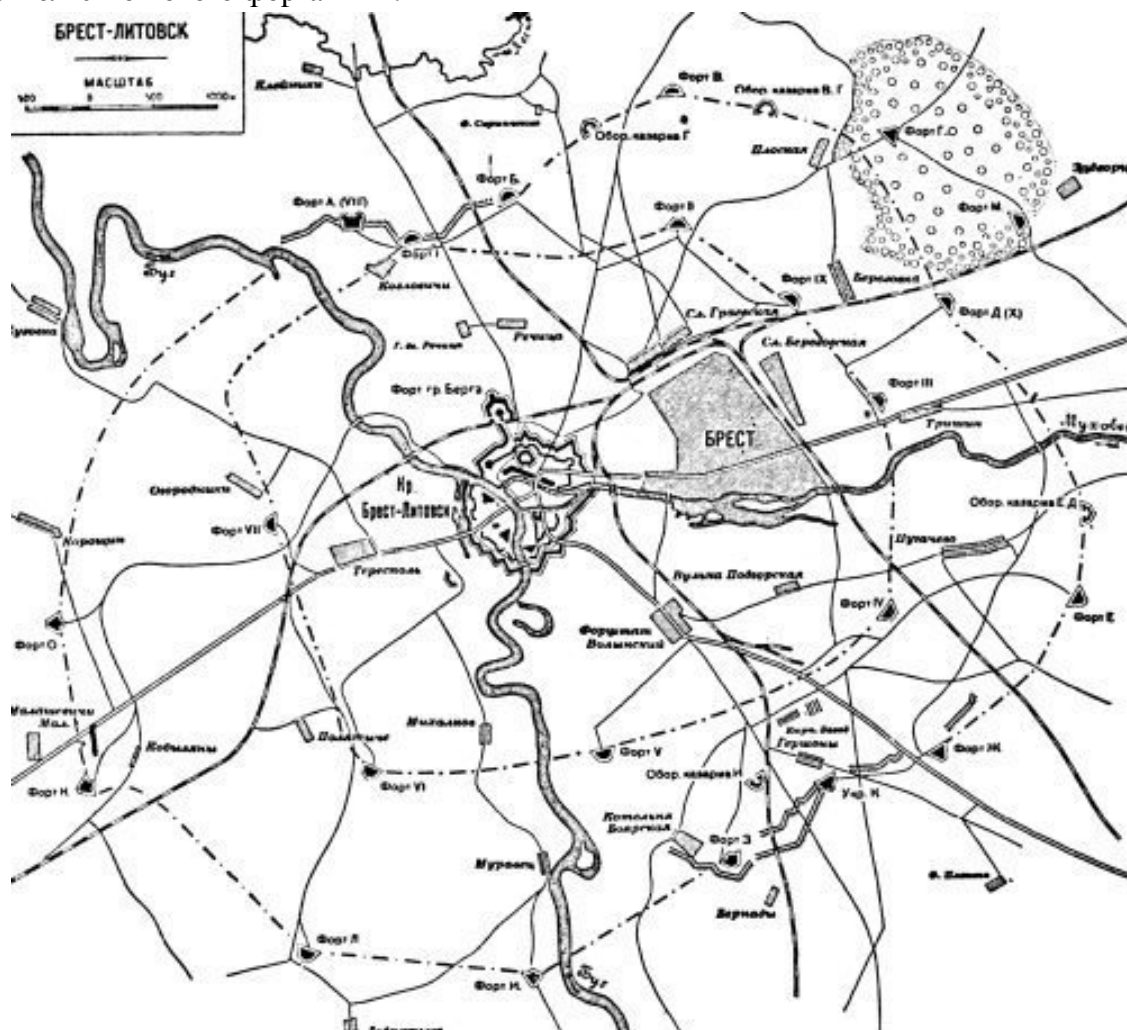

Схема фортовых поясов.

К полномасштабным работам по строительству второго кольца приступили летом 1913 г. Одного бетона предстояло уложить около 30 тысяч кубометров, объем земляных работ был в несколько раз большим. Строительные материалы, из которых основными были цемент, лес, железо и булыжный камень, доставлялись подрядчиками по договорам, которые заключало с ними крепостное инженерное управление. Прием материалов производился в присутствии представителя государственного контроля. Каменные и плотничные работы выполняли специальные артели, приезжавшие на строительный сезон из Калужской, Рязанской и соседних с ними губерний. Их работа оплачивалась сдельно в соответствии с расценками. Для их проживания строили временные бараки. Крупные земляные работы также выполняли сдельно специалисты, именовавшиеся «голлендорами» (говорили, что это потомки голландцев). Используя легкие одноконные повозки, они насыпали шестиметровые валы. На бетонных работах трудились поденно жители окрестных деревень. Количество людей в артели плотников или каменщиков достигало 30–40 человек. Поденных рабочих было до 600 человек. Поденщики получали от 80 копеек до 1 рубля в день. Тачечникам за повышенные нагрузки платили по 1 рублю 25 копеек.

Значительная часть массовых работ была механизирована, что способствовало облегчению труда рабочих, ускоряло и удешевляло стоимость работ. Щебень приготавливали из булыжного камня с помощью дробилки с паровым двигателем. Для приготовления бетона имелись две бетономешалки с локомотивами. Все необходимые материалы подвозили к объектам строительства в вагонетках по узкоколейным путям. Бетон подавался вверх по наклонному фуникулеру. Водоснабжение обеспечивалось трубопроводом и электрическим насосом. Для освещения территории строительного участка устанавливали девять дуговых фонарей и передвижной электрогенератор. Щебень промывали из водонапорного бака в вагонетках с решетчатым дном. Для производства земляных работ приобрели экскаваторы. Конторы на объектах, квартиры инженеров и различные пункты строительства были соединены между собой телефонными линиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.